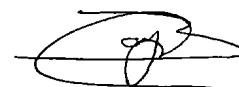

На правах рукописи

Мухаметзарипов Ильшат Амирович

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ
ИНСТИТУТОВ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ
В СОВРЕМЕННОМ СВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ**

Специальность 5.7.9 – Философия религии и религиоведение

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Казань – 2025

Работа выполнена в Центре исламоведческих исследований государственного научного бюджетного учреждения «Академия наук Республики Татарстан».

**Официальные
оппоненты:**

Рязанова Светлана Владимировна,
доктор философских наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Пермского
федерального исследовательского центра
Уральского отделения Российской академии наук,
Пермь

Степанова Елена Алексеевна,
доктор философских наук, доцент,
главный научный сотрудник отдела философии
Института философии и права Уральского
отделения Российской академии наук, Екатеринбург

Гайденко Павел Иванович,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории России Московского
государственного технического университета
им. Н. Э. Баумана, Москва

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена».

Защита диссертации состоится 06 февраля 2026 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета КФУ.057.1 при ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»: 420008, Россия, РТ, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35, ауд. 1604.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (ул. Кремлевская, д. 35, читальный зал № 1).

Сведения о защите, автореферат и диссертация размещены на официальных сайтах ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (<https://vak.minobrnauki.gov.ru>) и ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (<https://kpfu.ru>).

Автореферат разослан «___» _____ 20___ г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент

О.О. Волчкова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Общественно-политический дискурс о традиции и духовно-нравственных ценностях в последние годы заставил по-иному взглянуть на место и роль религиозных институтов. Последние десятилетия продемонстрировали не только важность изучения роли религиозных установок в частной и публичной жизни, но и выявили ряд тенденций, осмысление которых требует внимания научного сообщества. Во-первых, несмотря на процессы секуляризации, индустриализации, институциональной дифференциации, плюрализации мировоззрения, индивидуализации отношения к религии, глобализации и распространения нерелигиозных моделей поведения, в высоко урбанизированных социумах часть населения продолжает рассматривать религию в качестве регулятора межличностных и внутригрупповых отношений. Во-вторых, религиозные лидеры и богословы, при общем снижении их влияния в регулятивной сфере, продолжают решать вопросы, связанные с применением религиозных норм, вырабатывают правила общинной жизни, выступают в роли регулировщиков противоречий между единоверцами. В-третьих, усилившиеся на фоне экономических кризисов и вооруженных конфликтов миграционные процессы меняют этнокультурный ландшафт ранее «монокультурных» государств за счет новых диаспор, в которых обычаи и отношение к религии существенно отличаются от представлений принимающего населения, зачастую приводя к нарушению светских законов. Религиозные меньшинства могут предпочитать собственных религиозных посредников для урегулирования конфликтных ситуаций, что порождает дискуссию о формировании системы «параллельной юстиции» и ее возможной угрозе для светского государства. В-четвертых, изменения в общественно-политическом дискурсе, связанные с постсекулярным поворотом, политикой мультикультурализма, религиозным возрождением и кризисом ценностей в ряде стран Запада и в России заставляют по-иному взглянуть на религиозные учения и институты как социальные регуляторы с точки зрения оценки их роли в ситуации постсекулярности и возможности сосуществования со светской ценностно-нормативной системой.

Исследовательская проблема. В настоящий момент возникла потребность в исследовании регулятивного потенциала религии в ситуации постсекулярности в контексте функционирования религиозных институтов урегулирования конфликтов на территории светского государства «западной» модели. Решение проблемы требует выявления особенностей религиозных учений в сфере регулирования конфликтных ситуаций, сравнительного анализа складывающихся моделей, обнаружения новых тенденций в их развитии для оценки, прогнозирования ситуации и выработки мер в сфере государственно-конфессиональных отношений. Государства Европы и Северной Америки были выбраны как примеры светских стран, часто рассматриваемых в качестве «эталона» государственно-конфессиональных отношений, гарантирования религиозных прав и свобод, распространения светских моделей поведения, в том числе для российских политиков и ученых. Одновременно государства

в указанных регионах отличаются разнообразием подходов и сталкиваются с различными вызовами, вследствие чего интерес представляет их сравнение с Российской Федерацией.

В России и за рубежом деятельность религиозных институтов урегулирования конфликтов в различных сферах, регионах и в разные исторические периоды изучается религиоведами, антропологами, этнологами, правоведами, историками, социологами, политологами, конфликтологами и др. представителями обществоведческих гуманитарных наук. Особенности религиозных учений в упорядочении социальных отношений раскрываются богословами и другими религиозными авторами. Поэтому исследование в данном направлении носит междисциплинарный характер и требует применения различных подходов и методов.

Степень разработанности темы исследования. Решение исследовательской проблемы требует обращения к работам, посвященным процессам секуляризации и ситуации постсекулярности, признакам светского государства и его моделям, сущности и отличительным чертам религии как социального регулятора, формированию религиозных институтов и их месту в условиях доминирования светского права, основам вероучений, на примере которых чаще всего поднимается вопрос об актуальности религиозных регуляторов. Следует учесть труды, раскрывающие проблемные моменты в деятельности религиозных объединений и пытающиеся осмыслить достоинства и недостатки сложившихся религиозных механизмов в авраамических, восточных традициях, крупных новых религиозных движениях, с учетом локальных особенностей.

Среди работ, посвященных описанию причин, содержания и следствий секуляризации можно выделить труды К. Маркса, Э. Дюркгейма, Ф. Тённиса, М. Вебера, Т. Парсонса, П. Бергера, Т. Лукмана, Д. Мартина, Б. Уилсона, К. Доббелере, Р. Старка, У. Бейнбриджа, Х. Казановы, Б. Тернера, Т. Асада, Д.А. Узланера и др.¹ Особенности и принципы светского государства, проблемы взаимодействия органов власти с религиозными объединениями, модели государственно-конфессиональных отношений раскрываются в исследованиях Н.В. Володиной, А.Ю. Григоренко, А.В. Кардашевского,

¹ Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1954. Т. 1. С. 219–368; Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse. Le système totémique en Australie. Vendôme: Quadriga, 1990; Tönnies F. Community and Civil Society / ed. J. Harris. Cambridge: Cambridge University Press, 2001; Weber M. The Sociology of Religion. London: Methuen & Co, 1965; Parsons T. The System of Modern Societies. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1971; Berger P.L. The Social Reality of Religion. Norwich: Fletcher and Son, 1973; Luckmann Th. The Invisible Religion: The Problem of Religion in Modern Society. London: Collier-Macmillan, 1967; Martin D. A General Theory of Secularization. N. Y.: Harper and Row Publishers, 1978; Wilson B.R. Religion in Secular Society. N. Y.: Oxford University Press, 2016; Dobbelaere K. Secularization: An Analyses at Three Levels. Brussels: P.I.E.-Peter Lang, 2004; Stark R., Bainbridge W.S. A Theory of Religion. New Brunswick: Rutgers University Press, 1996; Casanova J. Public Religions in the Modern World. Chicago: The University of Chicago Press, 1994; Religions, Nations, and Transnationalism in Multiple Modernities / ed. P. Michel, A. Possamai, B.S. Turner. N. Y.: Springer Nature, 2017; Asad T. Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity. Stanford: Stanford University Press, 2003; Узланер Д.А. Конец религии? История теории секуляризации. М.: Издательский Дом ВШЭ, 2019.

В.А. Кузнецова, А.Ф. Мещеряковой, А.М. Осавелюка, И.В. Понкина, М.О. Шахова, А. Степана, Дж. Фокса, Н. Хашеми и др.¹

Постсекулярность, усиление роли религии и религиозных регуляторов осмысливаются в работах Ю. Хабермаса, Б. Тернера, Ч. Тейлора, Л. Мавелли, В. Карпова, О.Д. Агапова, А.И. Кырлежева, Д.А. Узланера, Е.А. Степановой,² Сложившаяся в результате мультикультурализации ситуация ценностно-нормативной плюральности анализируется Дж. Гриффитсом, С. Мур, С. Мерри, Б. Таманхой, Б. Дюпре, У. Твинингом, А.А. Ан-Наимом, И.Л. Бабич, И.Л. Честновым и др.³ Вопросы рациональности человеческого поведения и индивидуального выбора в условиях сосуществования множества ценностно-

¹ Володина Н.В. Деятельность религиозных объединений в современной России на основе конституционного принципа светского государства // Современное право. 2010. № 9. С. 71–76; Григоренко А.Ю. Основные типы и модели государственно-церковных отношений в современном мире (XX–XXI века) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16, вып. 2. С. 140–144; Кардашевский А.В., Тирских М.Г. Современные концепции государственно-конфессиональных отношений. «Сущностные» модели // Сибирский юридический вестник. 2009. № 2 (45). С. 25–33; Кузнецов В.А. Политико-правовой подход к моделям государственно-конфессиональных отношений // Вестник Международного института экономики и права. 2017. № 2 (27). С. 101–109; Мещерякова А.Ф. Светское государство в современной России: Конституционно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009; Осавелюк А.М. Государство и церковь. М.: Изд-во РГТЭУ, 2010; Понкин И.В. Правовые основы светскости государства и образования. М.: Про-Пресс, 2003; Шахов М.О., Шутова О.С. Государственно-конфессиональные отношения: анализ типологий и «силовая модель» // Полития. 2003. № 3 (30). С. 158–179; Stepan A. Religion, Democracy and the Twin Tolerations // Journal of Democracy. 2000. Vol. 11, № 4. P. 37–57; Fox J., Sandler Sh. Separation of Religion and State in the Twenty-First Century // Comparative Politics. 2005. Vol. 37, № 3. P. 317–335; Hashemi N. Islam, Secularism, and Liberal Democracy: Toward a Democratic Theory for Muslim Societies. N. Y.: Oxford University Press, 2009.

² Habermas J. Notes on Post-Secular Society // New Perspectives Quarterly. 2008. Vol. 25, № 4. P. 17–29; The New Blackwell Companion to the Sociology of Religion / ed. B.S. Turner. Chichester: Blackwell Ltd, 2010; Taylor Ch. A Secular Age. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2007; Mavelli L. Europe's Encounter with Islam: the Secular and the Postsecular. N. Y.: Routledge, 2012; Агапов О.Д. Постсекулярная парадигма как теоретико-методологическое основание взаимодействия религиозных и светских общественных организаций // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2020. № 33. С. 115–121; Карпов В. Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 114–164; Кырлежев А.И. Постсекулярная концептуализация религии. К постановке проблемы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 52–68; Узланер Д.А. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2020; Степанова Е.А. Секулярность и религия: реальность или концепт? // Философия религии: аналитические исследования. 2024. Т. 8, № 1. С. 37–57.

³ Griffiths J. What is Legal Pluralism? // Journal of Legal Pluralism. 1986. Vol. 18, № 24. P. 1–55; Moore S.F. Law and Social Change: The Semi-Autonomous Social Field as an Appropriate Subject of Study // Law and Society Review. 1973. Vol. 7, № 4. P. 719–746; Merry S.E. Legal Pluralism // Law and Society Review. 1988. Vol. 22, № 5. P. 869–896; Tamanaha B.Z. Legal Pluralism Explained: History, Theory, Consequences. N. Y.: Oxford University Press, 2021; Dupret B. Adjudication in Action: An Ethnomethodology of Law, Morality and Justice. London: Routledge, 2011; Twinning W. Normative and Legal Pluralism: A Global Perspective // Duke Journal of Comparative and International Law. 2010. Vol. 20. P. 473–517; An-Na'im A.A. Religious Norms and Family Law: Is It Legal or Normative Pluralism? // Emory International Law Review. 2011. Vol. 25, № 2. P. 785–809; Бабич И.Л. Правовой плюрализм на Северо-Западном Кавказе. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2000; Честнов И.Л. Социально-антропологическое измерение прав человека в глобализирующемся мире // История государства и права. 2009. № 13. С. 33–35.

нормативных порядков затрагиваются У. Томасом, И. Гофманом, П. Бурдьё, Р. Буденом, К. Биккьери, П.-О. Викстремом и др.¹

Социальные регуляторы, институты и составляющие их элементы анализируются С. Брюсом, Х. Янгом, П. Штомпкой, Н.В. Никишовой, Г.В. Осиповым и др.² В рамках феноменологического подхода функционирование и трансформацию институтов под влиянием интересов индивидов описывают Д. С. Норт, Дж. Уоллис и Б. Р. Уейнгаст³. Теории социального конфликта, его причинам, функциям и методам урегулирования уделяется внимание в работах Р. Дарендорфа, Л. Козера, Г. Зиммеля, К. Боулдинга⁴.

Множество монографий и статей посвящено исследованию государственно-конфессиональных отношений и месту религиозных норм и институтов в современных Великобритании, Германии, Испании, Италии, Нидерландах, Турции, Франции и др. странах⁵. Анализ законов о религии и религиозных объединениях стран Европы и Северной Америки приводится в ряде зарубежных сборников⁶.

¹ Thomas W.I., Thomas D.S. *The Child in America: Behavior Problems and Programs*. N. Y.: Knopf, 1928; Goffman E. *Frame Analysis. An Essay on the Organization of Experience*. Boston: Northeastern University Press, 1986; Bourdieu P. *Masculine Domination*. Stanford: Stanford University Press, 2001; Boudon R. *Toward a Synthetic Theory of Rationality // International Studies in the Philosophy of Science*. 1993. Vol. 7, № 1. P. 5–19; Bicchieri C. *The Grammar of Society: The Nature and Dynamics of Social Norms*. N. Y.: Cambridge University Press, 2006; *The Explanation of Crime: Context, Mechanisms, and Development* / ed. P.-O.H. Wikström, R.J. Sampson. N. Y.: Cambridge University Press, 2006.

² Bruce S., Yearley S. *The Sage Dictionary of Sociology*. Trowbridge: Cromwell Press Ltd, 2006; Young H.P. *Individual Strategy and Social Structure: An Evolutionary Theory of Institutions*. Princeton: Princeton University Press, 2001. Штомпка П. *Социология. Анализ современного общества*. М.: Логос, 2005; Никишова Н.В. *Понятие и сущность социальной нормы: социально-философский анализ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 1 (39), ч. 2. С. 147–149; *Социологический словарь* / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: Норма, 2010.

³ North D.C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. N. Y.: Cambridge University Press, 1990; North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. N. Y.: Cambridge University Press, 2009.

⁴ Darendorf R. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford: Stanford University Press, 1959; Coser L. *The Functions of Social Conflict*. N. Y.: The Free Press, 1964; Simmel G. *On Individuality and Social Forms*. Chicago: The University of Chicago Press, 1971; Boulding K.E. *Conflict and Defense. A General Theory*. Lanham: University Press of America, 1988.

⁵ Akdemir K.H. *Analyzing Secularism Models: the Case of Turkey // Journal of Civilization Studies*. 2019. Vol. 4, № 1. P. 61–73; Bradney A. *Law and Faith in a Sceptical Age*. N. Y.: Routledge-Cavendish, 2009; *Droit et Religion en Europe* / Ph. Auvergnon, F. Curtit, R. de Quenaudon [et al]. Strasbourg: Presses Universitaires de Strasbourg, 2014; Berger B.L. *Belonging to Law: Religious Difference, Secularism, and the Conditions of Civic Inclusion // Osgoode Legal Studies Research Paper Series*. 2014. Vol. 10, № 5. P. 1–21; Forey E. *État et institutions religieuses: Contribution à l'étude des relations entre ordres juridiques*. Strasbourg: Presses universitaires de Strasbourg, 2007; Fournier P. *Borders and Crossroads: Comparative Perspectives on Minorities and Conflict of Laws // Emory International Law Review*. 2011. Vol. 25. P. 987–1006; Papi S. *Normes islamiques et droit interne en France: de quelques zones de confluences // Droit et société*. 2014. № 88. P. 689–708 et al.

⁶ *Religion and the Secular State: National Reports* / ed. J. Martinez-Torron, W. Cole Durham Jr. Provo: Brigham Young University, The International Center of Law and Religion Studies, 2010; *The struggle for secularism in Europe and North America. Dossier 30-31* / ed. M. Hélie-Lucas. London: Women Living Under Muslim Laws, 2011; *The Oxford Handbook of Secularism* / ed. Ph. Zuckerman, J.R. Shook. N. Y.: Oxford University Press, 2017.

Исследования в сфере конфликтологии получили развитие в отечественной науке в 1990–2010-е гг. Как правило, публикации посвящены либо общей теории конфликта, в которой религиозным институтам не уделяется внимания¹, либо светским институтам «альтернативного урегулирования споров»². В.В. Нагайцев, В.А. Семенов и В.П. Милецкий оперируют понятием «института конфликто разрешения», но не раскрывают его элементов и не затрагивают функционирование религиозных институтов³. Выделим также работы правоведов, касающиеся темы религиозных норм и религиозных судов: С.С. Алексеева, М.Ю. Алпатова, В.В. Гребенникова, Л.Ю. Грудцыной, В.В. Ключкова и др.⁴

Предписания, касающиеся иудейских практик урегулирования конфликтов, излагаются в трактатах «Санхедрин», «Мишне Тора» Маймонида, «Шулхан Арух» Иосифа Каро, комментариях раввинов. Среди отечественных работ отметим монографию А.А. Каневского⁵ о галахе.

Христианские основы разрешения споров и судейства представлены в работах православных канонистов⁶, а исторические аспекты деятельности православных судов в России анализировались П.И. Гайденко, В.Г. Туром, Т.Г. Минеевой и В.Б. Романовской, А.Р. Павлушковым, А.А. Хохловым и др.⁷

¹ Соколов С.В. Социальная конфликтология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001; Конфликтология / под ред. А.С. Кармина. СПб: Лань, 1999; Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. М.: ЮНИТИ, 2000; Леонов Н.И. Конфликтология. М.: Изд-во Моск. психол.-социал. ин-та, 2006; Зеленков М.Ю. Конфликтология. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2013; Конфликтология / сост. С.Ю. Иванова, С.В. Попова. Ставрополь: СКФУ, 2015; Овруцкая Г.К. Общая конфликтология. Ростов на/Д: Изд-во ЮФУ, 2018.

² Альтернативное разрешение споров / под ред. Е.А. Борисовой. М.: Издательский Дом «Городец», 2019; Альтернативные способы и процедуры разрешения правовых споров / О.В. Белянская, О.Ю. Глухова, В.В. Коломытцева, И.М. Максимова. Тамбов: Тамбов. гос. ун-т, 2019; Котлярова В.В. Альтернативные способы урегулирования и разрешения споров в России. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2021.

³ Нагайцев В.В. Проблемы становления социальных институтов конфликто разрешения в российском обществе // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2-2. С. 214–218; Семенов В.А., Милецкий В.П. История и теория институтов конфликто разрешения. Саратов: Ай Пи Ар Медиа, 2020.

⁴ Алексеев С.С. Теория права. М.: Издательство БЕК, 1995; Алпатов М.Ю., Грудцына Л.Ю. Основы классификации современных судебных систем // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 170–173; Гребенников В.В., Грудцына Л.Ю. Методология судебного права и основы классификации современных судебных систем // Евразийская адвокатура. 2017. № 3. С. 75–79; Ключков В.В. Религия, государство, право. М.: Мысль, 1978.

⁵ Каневский А.А. Иудейское право без государства: история и современность. М.: Инфра-М, 2020.

⁶ Барсов Т.В. О духовном суде // Христианское чтение. 1870. № 10. С. 587–626; Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. М.: Изд-во «Отчий дом», 2001. Т. 1; Каноны Православной Церкви / под ред. епископа Григория (Граббе). Ла-Каньяда-Флинтридж: Свято-Троицкая Православная Миссия, 2001; Цыпин В.А. Каноническое право. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009.

⁷ Гайденко П.И. К вопросу о статусе мирянина или Несколько наблюдений о церковных наказаниях мирян на Руси XI–XIII вв. // Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви. 2023. № 3 (19). С. 180–191; Тур В.Г. Конфессиональная судебная система Российской империи середины XIX в.: история и современные проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 74–85; Минеева Т.Г., Романовская В.Б., Савченко И.В. Церковное судопроизводство в Российской империи. Чебоксары: Изд. дом «Среда», 2020; Павлушков А.Р. Карательно-исправительная система Русской православной церкви в имперский период. Вологда: ВИПЭ ФСИН

Органам правосудия у православных русских крестьян посвящена работа В.Б. Безгина¹. Современные аспекты работы церковных судов РПЦ раскрываются в работах Е.В. Беляковой, А.В. Ведяева, Ю.В. Оспенникова, А.Г. Семашко, А.С. Смыкалина, А.А. Тарнакина, Н.А. Тарнакина, И.Н. Тетюхина и др.²

История формирования мусульманских институтов урегулирования конфликтов, правила сульха, тахкима и кадията разбираются в трудах мусульманских историков и знатоков фикха³, а также современных авторов: А. Османа, А. аль-Рамахи, М. Захры, Н. Абдуль Хак, В. Халлака, М. Камали, В. аз-Зухайли, Ф. Атара, Л.Р. Сюкияйнена и др.⁴

В. Менски, А. Пандж, А. Сиканд затрагивают практики урегулирования конфликтов в индуизме⁵, Дж. Макконнелл, Дж. Сомаратне, М. Топхофф – в буддизме⁶. Буддийские правила подробно изложены в своде, подготовленном

России, 2014; Хохлов А.А. Нравственно-дисциплинарная проблема в повседневности православного приходского духовенства Казанской губернии второй половины XIX – начала XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2024.

¹ Безгин В.Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2012.

² Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2004; «К покаянию и исправлению»: суды над архиереями в истории и современности Русской Церкви / А.В. Ведяев, П.И. Гайдено, Ю.В. Оспенников, И.А. Устинова. СПб.: Изд-во СПбДА, 2023; Семашко А.Г. Современное церковное судопроизводство в России // Теодиция. 2011. № 2. С. 32–33; Смыкалин А.С. Историко-сравнительный анализ современной судебной системы Российской Федерации и церковных судов Русской Православной Церкви // Бизнес, менеджмент и право. 2015. № 2 (32). С. 154–160; Тарнакин А.А. Особенности рассмотрения дел о признании церковного брака утратившим каноническую силу в практике церковного суда пятигорской и черкесской епархии 2011–2020 гг. // Актуальные вопросы церковной науки. 2021. № 1. С. 236–238; Тарнакин Н.А. Церковный суд и суд светский: общее и различное в принципах // Вестник Исторического общества. 2019. № 1. С. 159–166; Тетюхин И.Н. Церковный суд в Российской Федерации // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. № 6. С. 204–215.

³ Ибн Хальдун. Аль-Мукаддима. Миср: Матба'ат аль-Такаддум, 1904; Ибн Каййим аль-Джаузи. Китаб уль-'Алям аль-Мук'ин Раб аль-'Алям. Т. 2. Даммам: Дар ибн аль-Джаузи, 1423/2002.

⁴ Othman A. 'And Amicable Settlement Is Best': Sulh and Dispute Resolution in Islamic Law // Arab Law Quarterly. 2007. Vol. 21, № 1. P. 64–90; Al-Ramahi A. Sulh: A Crucial Part of Islamic Arbitration. LSE Law, Society and Economy Working Papers № 12/2008. London: School of Economics and Political Science, Law Department, 2008; Zahraa M., Abdul Hak N. Tahkim (Arbitration) in Islamic Law within the Context of Family Disputes // Arab Law Quarterly. 2006. Vol. 20, № 1. P. 2–42; Hallaq W.B. The Origins and Evolution of Islamic Law. N. Y.: Cambridge University Press, 2005; Kamali M.H. Appellate Review and Judicial Independence in Islamic Law // Islamic Studies. 1990. Vol. 29, № 3. P. 215–249; Аз-Зухайли В. Аль-Фикх аль-Ислами уа аль-Адилятуху. Дамаск: Дар аль-Фикр, 1405/1985; Он же. Тарих аль-Када фи аль-Ислам. Бейрут: Дар аль-Фикр, 1415/1995; Атар Ф. Основы теории и методологии фикха. Стамбул: Эркам, 2018; Сюкияйнен Л.Р. Исламское право и диалог культур в современном мире. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2021.

⁵ Menski W. On vyavahara // Indologica Taurinensia: The Journal of the International Association of Sanskrit Studies. 2007. № 33. P. 123–147; Punj A. Arbitration In Religious Texts: An Insight Into, And Comparative Analysis Of, References To Arbitration In Hinduism, Buddhism, Christianity And Islam // International Journal Of Legal Developments And Allied Issues. 2022. Vol. 8, № 1. P. 117–127; Sikand A. ADR Dharma: Seeking a Hindu Perspective on Dispute Resolution from the Holy Scriptures of the Mahabharata and the Bhagavad Gita // Pepperdine Dispute Resolution Law Journal. 2007. Vol. 7, № 2. P. 323–372.

⁶ McConnell J.A. Mindful Mediation: A Handbook for Buddhist Peacemakers. Bangkok: Buddhist Research Institute, Mahacala Buddhist University, 1995; Somaratne G.A. Modernity in the Ancient Methods of Resolving Monastic Conflicts: A Study of the Samagama-sutta // Sri Lanka International Journal of Buddhist

Т. Бхикку¹. В работах Л.С. Переломова, Й. Чена, К.Ч. Кина раскрывается культура отношений в конфуцианстве², в статьях Дж. Уинн, С. Грира, Т.П. Лима, анализируются китайские традиции разрешения споров³.

Принципы и практики конфликто разрешения в саентологии рассматриваются в публикациях Л. Рона Хаббарда⁴. Порядки, принятые в закрытых радикальных сообществах, на примере группы «Лев Тахор» и террористической организации «Исламское государство Ирака и Леванта»⁵ разбирают Г. Кавальон, Дж. Дэй, Ф. Рамайоли, М. Ревкин⁶.

Многие зарубежные публикации касаются практик светской медиации и третейского суда⁷, однако исследований в сфере религиозного арбитража и медиации на современном этапе не так много. Среди них можно выделить труды Л. Баккаглини, А. Бейкер, Р. Бенхалим, К. Вульф, М. Гринберг-Кобрин, А. Мадеры, О. Маклин, М. Хелфанда⁸.

Studies. January 2012. Vol. 2. P. 38–51; Tophoff M.M. A Mediator's Way to Conflict Resolution: A Buddhist Perspective // *The American Journal of Mediation*. 2020. Vol. 13. P. 55–69.

¹ *The Buddhist Monastic Code: vol. I-II / trans. and explained by Thanissaro Bhikkhu (Geoffrey De Graff)*. Metta Forest Monastery, 2013.

² Переломов Л.С. Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н.э. – XXI в.). М.: Стилсервис, 2009; Chen Y. *Confucianism as Religion. Controversies and Consequences*. Leiden: Brill, 2013; Qin G. The Thinking Way of Confucianism and the Rule of Law // *Journal of Politics and Law*. 2008. Vol. 1, № 1. P. 68–75.

³ Winn J. The Ancient Chinese Secret: A Comparative Analysis of Chinese and American Domestic Relations Mediation // *Indiana International and Comparative Law Review*. 1991. Vol. 1. P. 151–174; Greer S., Lim T.P. Confucianism: Natural Law Chinese Style? // *Ratio Juris*. 1998. Vol. 11, № 1. P. 80–89.

⁴ Hubbard L. Ron. *Introduction to Scientology Ethics*. Edinburgh: The Publications Organization World Wide, 1968.

⁵ Организация признана террористической на территории Российской Федерации решением Верховного Суда РФ № АКПИ14-1424С от 29 декабря 2014 г. Здесь и далее *.

⁶ Cavaglioni G. Is Lev Tahor a Destructive Cult? [Electronic resource] // *Holy Lands and Sacred Histories in New Religious Movements. The 2017 Conference of the Center for Studies on New Religions*. 3 July 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qCy8q7y5LTg>; Presentation: https://www.cesnur.org/2017/jer_cavaglioni.pdf (date of access: 10.12.2024); Day J., Kleinmann S. Combating the Cult of ISIS: A Social Approach to Countering Violent Extremism // *The Review of Faith and International Affairs*. 2017. Vol. 15, № 3. P. 14–23; Ramaioli F.L. *Islamic State as a Legal Order: To Have No Law but Islam, between Shari'a and Globalization*. N. Y.: Routledge, 2022; Revkin M. *The Legal Foundations of the Islamic State. The Brookings Project on U.S. Relations with the Islamic World. Analysis Paper. № 23*. Washington: The Brookings Institution, 2016.

⁷ Clarke G.R., Davies I.T. ADR – Argument for and Against Use of the Mediation Process Particularly in Family and Neighbourhood Disputes // *Queensland University of Technology Law Review*. 1991. Vol. 7. P. 81–96; Fiss O.M. Against Settlement // *Yale Law Journal*. 1984. Vol. 93. P. 1073–1090; Mediation, Arbitration and Negotiation / M. Goltsman, J. Hörner, G. Pavlov, F. Squintani // *Journal of Economic Theory*. 2009. Vol. 144, № 4. P. 1397–1420; Goundry S.A., Peters Y., Currie R. Family Mediation in Canada: Implications for Women's Equality. A Review of the Literature and Analysis of Data from Four Publicly Funded Canadian Mediation Programs. Ottawa: Status of Women Canada, 1998; Marcil J.G., Thornton N.D. Avoiding Pitfalls: Common Reasons for Mediation. Failure and Solutions for Success // *North Dakota Law Review*. 2008. Vol. 84, № 3. P. 861–876; Neilson L. Solicitors Contemplate Mediation – Lawyers Perceptions of the Role and Education of Mediators // *International Journal of Law and the Family*. 1990. № 4. P. 235–269; *The Handbook of Dispute Resolution / ed. M.L. Moffitt, R.C. Bordone*. San Francisco: Jossey-Bass, 2005.

⁸ Baccaglioni L. Arbitration on family matters and religious law: a Civil Procedural Law Perspective // *Civil Procedure Review*. 2014. Vol. 5, № 2. P. 3–21; Baker A.M. A Higher Authority: Judicial Review of Religious Arbitration // *Vermont Law Review*. 2012. Vol. 37. P. 157–202; Benhalim R. The Case for American Muslim Arbitration // *Wisconsin Law Review*. 2019. Issue 3. P. 531–591; Wolfe C.L. Faith-Based

Деятельность иудейских и мусульманских судов в Германии изучается в работах М. Роэ, П. Фурнье, П. Макдугалла¹. Тема «параллельной юстиции» поднимается в работах К. Бауэнс, К. Бэлза, И. Вагнера, Х. Эллизи². А. Брюинс и М. де Блуа исследуют религиозное право и религиозные суды в Нидерландах³. Британские шариатские советы и арбитражи исследуются С. Бано и Дж. Джоунсом⁴.

Деятельность католических судов описывается в публикациях Т. Бялобжеского, М. дель Поццо, И. Садека⁵. Англиканские суды рассматриваются в работах А. Макгрегора, Дж. Манби⁶. Подробные труды по современным канонам и регламентам христианских церквей, а также о соотношении религии и права в Европе изданы Н. До⁷, но они в основном затрагивают западные страны. Греческие православные суды являлись предметом изучения А. Цароса⁸.

Arbitration: Friend or Foe? An Evaluation of Religious Arbitration Systems and Their Interaction with Secular Courts // *Fordham Law Review*. 2006. Vol. 75, № 1. P. 427–469; Greenberg-Kobrin M. Religious Tribunals and Secular Courts: Navigating Power and Powerlessness // *Pepperdine Law Review*. 2014. Vol. 41, № 5. P. 997–1012; Madera A. Civil and Religious Law concerning Divorce: the condition of Women and their empowerment // *Journal of Law and Family Studies*. 2010. Vol. 12. P. 365–389; Macklin A. Multiculturalism meets privatization: The case of faith-based arbitration // *International Journal of Law in Context*. 2013. Vol. 9, 3. P. 343–365; Helfand M.A. Religious Arbitration and the New Multiculturalism: Negotiating Conflicting Legal Orders // *New York University Law Review*. 2011. Vol. 86, № 5. P. 1231–1305.

¹ Rohe M. *Islamic Law in Past and Present*. Leiden-Boston: Brill, 2014; Fournier P., McDougall P. False Jurisdictions? A Revisionist Take on Customary (Religious) Law in Germany // *Texas International Law Journal*. 2013. Vol. 48, № 3. P. 435–463.

² Bauwens K. *Religiöse Paralleljustiz. Zulässigkeit und Grenzen informeller Streitschlichtung und Streitentscheidung unter Muslimen in Deutschland*. Berlin: Duncker & Humblot, 2016; Bälz K. *Scharia Kontra Weltliches Recht? // Islam und Rechtsstaat: Zwischen Scharia und Säkularisierung*. Berlin: Konrad-AdenauerStiftung, 2008. S. 133–139; Wagner J. *Richter ohne Gesetz. Islamische Paralleljustiz gefährdet unseren Rechtsstaat*. Berlin: Econ, 2011; Elliesie H., Rigoni C. *Paralleljustiz in Nordrhein-Westfalen aus strafrechtlicher Sicht*. Max Planck Institut, 2022.

³ Bruins A. *Religieuze rechtspraak in Nederland? // Meester in de taal*. 2013. № 1. P. 105–111; De Blois M. *Religious law versus secular law. The example of the get refusal in Dutch, English and Israeli law // Utrecht Law Review*. 2010. Vol. 6, № 2. P. 93–114.

⁴ Bano S. *Muslim Women and Shari'ah Councils: Transcending the Boundaries of Community and Law*. Houndmills: Palgrave Macmillan London, 2012; Jones J. *Muslim Alternative Dispute Resolution: Tracing the Pathways of Islamic Legal Practice Between South Asia and Contemporary Britain // Journal of Muslim Minority Affairs*. 2020. Vol. 40, № 1. P. 48–66.

⁵ Białoברzeski T. *Sąd kościelny [Electronic resource] // Laboratorium Wolności Religijnej*. 2022. 18 Lutego. URL: <https://laboratoriumwolnosci.pl/slownik/sad-koscielny/> (date of access: 06.10.2025); del Pozzo M. *Il ruolo del Difensore del vincolo nel 'processus matrimonialis brevior' // Ius Canonicum*. 2020. Vol. 60. P. 197–242; Sadegh I. *Religious Courts, Tribunals and Councils in Predominantly Secular States. Their Role in Malta, and England and Wales: Doctor of Laws Thesis*. University of Malta, 2013.

⁶ McGregor A. *Church of England [Electronic resource]*. Westminster: The Legal Office of the National Institutions of the Church of England, January 2009. URL: <http://www.law.cf.ac.uk/clr/networks/Church%20of%20England.pdf> (date of access: 10.12.2024); Munby J. *Law, Morality and Religion in the Family Courts [Electronic resource] // UK Judiciary*. 2013. 29 October. URL: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/JCO/Documents/Speeches/law-morality-religion-munby-2013.pdf> (date of access: 10.12.2024).

⁷ Doe N. *Law and Religion in Europe*. N. Y.: Oxford University Press, 2011; Idem. *Christian Law: Contemporary Principles*. N. Y.: Cambridge University Press, 2013.

⁸ Tzaros A. *La Procédure Devant les Tribunaux Ecclésiastiques de l'Église de Grèce: Une Analyse Nomocanonique de la loi Étatique 5383/1932: Thèse pour Obtenir le Grade de Docteur*. Strasbourg: Université de Strasbourg, 2019.

Особо стоит выделить работу М. Рынковского¹ о статусе религиозных судов в Европейском Союзе. Данная работа представляет интерес с точки зрения формальных церковных институций, однако в ней мало уделяется внимания теории секуляризации и социальных конфликтов, нехристианским объединениям, не анализируются вероучительные основы и многие проблемные кейсы, нет эмпирических данных и сравнительного анализа опыта стран за пределами ЕС.

Критический взгляд на религиозную систему альтернативного разрешения споров, протестантские практики и особенности законов США содержится в статье С. Чуа-Рубенфельд и Ф. Косты². Следует выделить публикации М. Бройда³ о современных практиках иудейских, католических и мусульманских судов, арбитражей и органов медиации в США. Как раввин, даян и юрист он подробно раскрывает регламент работы «Бейт-Дин Америки», предлагает варианты включения религиозных институтов в общую систему конфликто разрешения на правовых основаниях. Антропологический подход к проблеме применения религиозных предписаний в регулировании конфликтов изложен в сборнике 2013 г. под редакцией Ф. и К. фон Бенда-Бекман и Б. Тернера⁴, однако теоретических обобщений в силу ограниченного формата не приводится.

В отечественной науке данная проблематика также представлена. Ряд трудов Л.Р. Сюкияйнена⁵ раскрывает проблемные ситуации, связанные с деятельностью шариатских судов в условиях светских законов. Основным вехам эволюции казьята в Татарстане 1990–2000 гг. посвящена статья А.Ю. Хабутдинова⁶. А.Я. Клейменов⁷ в своей публикации аргументирует правомерность существования в России иудейского суда. Тема шариатских судов в современной Великобритании поднимается в статье Н.А. Головановой⁸. Работы освещают локальные аспекты в рамках одной

¹ Rynkowski M. Sądy wyznaniowe we współczesnym europejskim porządku prawnym. Wrocław: Prawnicza i Ekonomiczna Biblioteka Cyfrowa, 2013.

² Chua-Rubinfeld S., Costa F.J. The Reverse-Entanglement Principle: Why Religious Arbitration of Federal Rights Is Unconstitutional // *The Yale Law Journal*. 2019. Vol. 128, № 7. P. 2087–2121.

³ Broyde M.J. Faith-Based Private Arbitration as a Model for Preserving Rights and Values in a Pluralistic Society // *Chicago-Kent Law Review*. 2015. Vol. 90, № 1. P. 111–140; Idem. Jewish Law Courts in America: Lessons Offered to Sharia Courts by the Beth Din of America Precedent // *New York Law School Law Review*. 2012/2013. Vol. 57. P. 287–311; Idem. Sharia Tribunals, Rabbinical Courts, and Christian Panels. *Religious Arbitration in America and the West*. Oxford University Press 2017.

⁴ *Religion in Disputes: Pervasiveness of religious Normativity in Disputing Processes* / ed. F. von Benda-Beckmann, K. von Benda-Beckmann, M. Ramstedt, B. Turner. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2013.

⁵ Сюкияйнен Л.Р. Взаимодействие исламской и европейской правовых культур: современный опыт // Ежегодник либертарно-юридической теории. М., 2009. Вып. 2. С. 171–188; Он же. Шариатские суды: современная практика и перспективы в России // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2014. № 4. С. 45–62; Он же. Исламское право и диалог культур в современном мире. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2021 и др.

⁶ Хабутдинов А.Ю. Эволюция института шариатских судей (казыев) у мусульман Волго-Уральского региона в конце XVIII – начале XXI вв. // *Филология и культура*. 2013. № 3 (33). С. 245–248.

⁷ Клейменов А.Я. Религиозный суд (арбитраж) в системе альтернативного урегулирования споров // *Закон*. 2013. № 2. С. 58–66.

⁸ Голованова Н.А. Шариатские суды в Великобритании: параллельная правовая система или религиозный арбитраж? // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2017. № 3. С. 23–29.

религиозной традиции, без глобального сравнения опыта разных вероисповеданий и стран.

Проблемы религиозных судов на примере применения шариата и адата на Северном Кавказе затрагиваются в трудах Д.Х. Албакова, М.С.-Г. Албогачиевой, И.Л. Бабич, В.О. Бобровникова, Е.А. Лазарева, З.Х. Мисрокова, А.А. Ярлыкапова и др.¹ О роли религии в системе ценностей народов Северного Кавказа пишет В.Х. Акаев². Многочисленны работы, посвященные региональным и этнокультурным аспектам восприятия религиозных норм и институтов в контексте истории и современности Дагестана³. Е.А. Варшавером⁴ и К.И. Казениным⁵ на базе неинституционального подхода и полевых

¹ Албаков Д.Х. О применении шариата в Республике Ингушетия // Ислам и право в России. М.: РУДН, 2004. Вып. 2. С. 81–84; Албогачиева М.С.-Г. Особенности взаимодействия российской судебно-правовой системы и традиционных правовых институтов ингушского общества (XIX–XXI вв.) // Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2012. С. 142–208; Бабич И.Л. Правовой плюрализм на Северо-Западном Кавказе. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2000; Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М.: Вост. лит., 2002; Lazarev E.A. Laws in Conflict: Legacies of War and Legal Pluralism in Chechnya. Thesis for the degree of Ph.D. N. Y.: Columbia University, 2018; Мисроков З.Х. Адат и шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. М.: Изд-во МГУ, 2002; Бобровников В.О., Ярлыкапов А.А. Реституция шариата на российском Кавказе: проблемы и перспективы // Pax Islamica. 2013. № 2. С. 61–92.

² Противоречивый характер развития религиозно-культурных ценностей народов Северного Кавказа / В.Х. Акаев [и др.] // Вестник ГГНТУ. Гуманитарные и социально-экономические науки. 2023. № 4. С. 79–85; Акаев В.Х. Этнокультурное и религиозное наследие народов Северного Кавказа: нравственно-гуманистический характер и миротворческий потенциал // Вестник ГГНТУ. Гуманитарные и социально-экономические науки. 2024. № 1. С. 32–37.

³ Абдулмажидов Р.С., Тупцокова Л.К. Адат и шариат в наследственном праве народов Дагестана XVII–XIX вв. // История, археология и этнография Кавказа Т. 15, № 4. 2019. С. 586–601; Верещагина А.В., Загирова Э.М. Многоженство в Дагестане в оптике общественного мнения // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 117–128; Гаджиалиева Н.Ш. Проблемы регулирования наследственных отношений в Российской Федерации (по материалам Республики Дагестан) // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2011. № 4. С. 37–43; Глянц А.С. Принадлежность к мусульманской общности в Дагестане: анализ институтов и практик // Антропологический форум. 2018. № 36. С. 154–182; Джабаева Т.Ч. Правовое положение женщины по адату и по шариату в Дагестане в первой половине XIX в.: опыт сравнительного анализа // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 32, вып. 4. С. 13–19; Магомедсалихов Х.Г. Гендерный аспект социальных отношений в горских обществах Дагестана: традиции и современность // Вестник Владикавказ. науч. центра. 2016. Т. 16. № 1. С. 18–20; Сиражудинова С.В. Гендерная система мусульманского общества: на примере республик Северного Кавказа // Женщина в российском обществе. 2021. № 1. С. 56–67; Шахбанова М.М., Гимбатова М.Б. Религиозный компонент в семейно-брачной сфере: этносоциологическое исследование // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2021. Вып. 2. С. 122–133.

⁴ Варшавер Е., Круглова Е. «Коалиционный клинч» против исламского порядка: динамика рынка институтов разрешения споров в Дагестане // Экономическая политика. 2015. №3. С. 89–112; Варшавер Е., Стародубовская И. Кто и почему в Дагестане оправдывает насилие? Сравнительный анализ ценностных профилей дагестанских исламских религиозных групп // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 202–233.

⁵ Казенин К.И. Исламское право в ситуации конкуренции правовых систем: случай Северного Кавказа // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 234–264; Казенин К.И. Конкуренция институциональных регуляторов в городской среде Северного Кавказа. М.: РАНХиГС, 2016; Казенин К.И. Перспективы институционального подхода к явлению полиюридизма. На примере Северного Кавказа // Экономическая политика. 2014. № 3. С.178–198.

материалов подробно изучены причины востребованности исламских институтов урегулирования противоречий в Дагестане, сопоставлены экономические, политические и культурные факторы.

Функционирование шариатских институтов и бытование исламских норм среди населения Татарстана в историческом и современном контекстах освещается в работах И.К. Загидуллина, А.М. Ахунова, Р.Н. Мусиной, Т.А. Титовой и др.¹ В публикациях А.В. Ситникова и М.В. Романова сравнивается религиозность мусульман Чечни и Татарстана².

Значительный исследовательский интерес представляют аналитические доклады о ситуации в различных религиозных объединениях в плане применения норм и функционирования институтов: сообщества индуистов из числа касты «неприкасаемых» в Великобритании 2011 г.; правозащитного движения «One Law for All» о шариатских судах 2010 г.; группы исследователей Кардиффского университета о католических, иудейских и мусульманских судах 2011 г.; Центра социального сплочения (Англия) об иудейских судах 2009 г.; экспертной группы британского правительства о деятельности шариатских судов в Англии и Уэльсе 2018 г.; исследовательской группы под руководством М. Роэ, а также Министерства юстиции Германии о «параллельной юстиции» в сообществах мигрантов-мусульман 2014–2015 гг., французского Комитета по вопросам светскости по итогам опросов мусульман и христиан 2020 г., канадские заключения о группе «Лев Тахор» 2015 г.

Анализ степени изученности проблемы показывает наличие следующих лагун: 1) отсутствует теоретическое осмысление религиозных институтов урегулирования конфликтов как социального явления; 2) не раскрыты факторы, влияющие на функционирование указанных институтов в современных условиях; 3) отсутствуют компаративистские междисциплинарные исследования вероучительных основ и религиозных практик в сфере урегулирования конфликтов; 4) не хватает развернутого анализа и сравнения кейсов в сфере религиозного урегулирования конфликтов в рамках светских государств Европы и Северной Америки; 5) отсутствуют сравнительные исследования региональных аспектов функционирования указанных институтов на примере разных субъектов Российской Федерации. Все это не позволяет всесторонне описать развитие институтов урегулирования конфликтов в религиозных объединениях на современном этапе, оценить их

¹ Загидуллин И.К. Мефтиләр һәм казылар (Мәхкәмәи шәрғия (1788–1917) рәисләре һәм эгъзалары турында очерктар). Казан: Татар. кит. нәшр., 2021; Ахунов А.М. Попытки возрождения системы вакфов в постсоветском Татарстане // Проблемы современной экономики. 2013. № 4 (48). С. 431–432; Мусина Р.Н., Хайруллина Н.Г. Особенности этноконфессиональной ситуации в постсоветском Татарстане // Изв. вузов. Социология. Экономика. Политика. 2015. № 4. С. 85–87; Титова Т.А., Фролова Е.В. Религиозное пространство Казани: идентичности и практики (по материалам этносоциологического исследования) // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 303–318.

² Ситников А.В., Романов М.В., Одаев Т.Х. Религиозность в Чеченской Республике и ее влияние на социальные институты и институты власти // Мониторинг общественного мнения. 2019. № 2 (150). С. 157–183; Ситников А.В., Романов М.В., Фасхудинов Р.Р. Особенности исламской религиозности татар в Республике Татарстан // Религиоведение. 2021. № 3. С. 125–139.

место и роль в обществе и государстве. Устранить имеющиеся лакуны призвано настоящее исследование.

Объект и предмет исследования. *Объектом* настоящего исследования выступают религиозные институты урегулирования конфликтов в светском государстве. *Предметом* исследования являются особенности функционирования религиозных институтов урегулирования конфликтов в современных светских государствах на примере стран Европы и Северной Америки.

Цель и задачи исследования. *Цель* диссертации – конструирование системы типологизации моделей функционирования религиозных институтов урегулирования межличностных, внутригрупповых и внутриорганизационных конфликтов в современных светских государствах Европы и Северной Америки на основе многофакторной детерминированности практик конфликто разрешения в религиозных объединениях.

Для достижения поставленной цели требуется решение следующих *задач*:

– охарактеризовать процессы секуляризации и ситуацию постсекулярности для понимания особенностей регулятивной функции религии в современном обществе и государстве;

– выявить специфику реализации ценностно-нормативных систем и институтов урегулирования конфликтов в религиозных объединениях под влиянием разноуровневых факторов в контексте светского государства;

– выявить общие и особенные характеристики в доктринальных основаниях урегулирования конфликтов в мировых, национальных религиях и новых религиозных движениях для дальнейшей классификации моделей;

– систематизировать практики урегулирования конфликтов в христианских, мусульманских, иудейских объединениях, а также в новых религиозных движениях (Церковь Иисуса Христа Святых последних дней, Свидетели Иеговы¹, Церковь саентологии²), распространенных в странах Европы и Северной Америки;

– апробировать типологию основных моделей религиозного конфликто разрешения с учетом многофакторности их функционирования на примере мусульманского и христианского сообществ двух регионов Российской Федерации: Татарстана и Дагестана.

Источниковая база исследования. Корпус источников нашей работы составляют: 1) религиозные и религиозно-философские тексты, 2) внутренние регламентирующие акты религиозных объединений; 3) законодательные акты государств; 4) решения религиозных судов, арбитражей, органов примирения и медиации; 5) решения государственных и международных судов; 6) аналитические доклады; 7) публикации СМИ; 8) материалы полевого исследования в виде: а) 12 экспертных интервью с представителями

¹ Религиозная организация «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» признана экстремистской организацией решением Верховного Суда Российской Федерации № АКПИ17-238 от 20 апреля 2017 г. Здесь и далее *.

² Деятельность организаций «Всемирный институт саентологических предприятий» и «Церковь Духовной Технологии» («Библиотека Л. Рона Хаббарда») в России признана нежелательной решением Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 24 сентября 2021 г. Здесь и далее *.

христианских и мусульманских сообществ, б) массового анкетирования 629 жителей Республики Татарстан и Республики Дагестан (христиан, мусульман, нерелигиозных жителей), проведенного нами в два этапа в 2020 – 2023 гг. В ходе исследования было проанализировано 38 кейсов, описанных в решениях религиозных и государственных органов, публикациях в СМИ и блогах, опубликованных полевых материалах исследователей, изложенных автору респондентами во время экспертных интервью. Представленные источники позволяют провести широкое исследование на основе сравнения вероучительных основ с современной практикой религиозных объединений в разных государствах и регионах.

Хронологические рамки исследуемого периода. Исследование охватывает период Новейшего времени с 1980-х до середины 2020-х гг., с учетом предшествующих этапов исторического развития, оказавших влияние на религиозные учения и культурные особенности представителей религиозных сообществ в исследуемых регионах. 1980-е гг. выбраны в качестве начальной точки отчета по следующим причинам: 1) усиление миграционных процессов и превышение количества иммигрантов над эмигрантами с середины 1980-х гг. в странах Западной Европы, приведшее к существенному изменению этнорелигиозной структуры, в особенности к увеличению количества мусульман; 2) усиление процессов религиозного возрождения в социалистических государствах Восточной Европы, проявившиеся в России в конце 1980-х гг. и на протяжении 1990-х гг.; 3) появление первой специализированной службы христианского примирения в США (г. Альбукерке, 1980 г.).

Территориальные рамки исследования охватывают Европу, включая Российскую Федерацию, и Северную Америку. Мы ограничиваемся изучением указанных социально-политических пространств, поскольку европейские и североамериканские страны служат основным примером при описании процессов секуляризации, моделей светского государства и ситуации постсекулярности. В Российской Федерации сравнительное эмпирическое исследование затрагивает Татарстан и Дагестан по причине существенных различий между двумя субъектами РФ в религиозном, этнокультурном и социально-экономическом аспектах при формальном единстве светского политико-правового пространства.

Теоретико-методологические основы исследования. Исследование базируется на нескольких общих подходах и концепциях, позволяющих раскрыть современное состояние религиозных институтов урегулирования конфликтов на макро- (общество и государство), мезо- (религиозные объединения) и микроуровнях (на уровне индивидов и конкретных конфликтных ситуаций).

На макроуровне (общество и государство) исследование основывалось на следующих подходах: 1) структурно-функциональный подход (Э. Дюркгейм, Р.К. Мертон, Т. Парсонс и др.), согласно которому общество рассматривается как иерархическая структура, состоящая из множества подсистем (элементов), а социальное явление изучается как часть системы с точки зрения его роли

в функционировании социальной структуры и выполняемых функций. Каждый элемент системы обладает адаптивными и регулятивными функциями, так как вносит свой вклад в деятельность всей системы, способствуя ее приспособлению и устойчивости, эффективному взаимодействию с другими структурами, а также регулирует внутрисистемные связи и определяет поведение частей системы. Религиозные институты урегулирования конфликтов в рамках указанного подхода выступают как общественная подсистема, подчиненная определенным закономерностям возникновения, развития и функционирования, со своими элементами и структурой; местом, функциями и ролью в общественной системе, находящаяся в постоянном взаимовлиянии с другими элементами общества и с государством; 2) теория секуляризации (М. Вебер, К. Доббелере, Т. Парсонс, П.Л. Бергер, Т. Лукман, Д. Мартин, Б.Р. Уилсон, М. Чавес, Р. Старк, У.С. Бейнбридж, Н. Луман, Х. Казанова и др.), констатирующая глубокие преобразования, происходящие в социальной структуре, мировоззрении и взаимоотношениях индивидов вследствие модернизации. Религия перестает быть доминирующей системой идей, уступает функцию главного регулятора публичной сферы институтам светского государства, однако религиозные объединения адаптируются, а индивидуальная религиозность трансформируется; 3) концепция постсекулярности (Ю. Хабермас, Б. Тернер, Ч. Тейлор, Э.Ф. Кейман, Л. Мавелли, А.И. Кырлежев, О.Д. Агапов, Д.А. Узланер и др.), согласно которой на смену секулярности в современном обществе приходит состояние постсекулярности, означающее формирование нового пространства взаимодействия между религиозными объединениями, обществом и государством, направленного на решение актуальных социальных проблем. Публичная активность религиозных объединений при этом возрастает, религия выходит за пределы частной сферы.

На мезоуровне (религиозные объединения) использовались: 1) теория конфликта (Г. Зиммель, Л. Козер, К.Ю. Боулдинг, Р. Дарендорф и др.), согласно которой конфликт является естественной формой социального взаимодействия, влекущего как негативные, так и позитивные результаты. Общечеловеческими практиками урегулирования конфликтов, реализуемыми на уровне религиозных объединений, выступают переговоры, медиация, арбитраж и судейство; 2) концепция нормативного плюрализма (Б. Дюпре, Б. Таманаха, Дж. Гриффитс и др.), согласно которой в обществе всегда присутствует несколько ценностно-нормативных порядков, используемых для социального контроля, находящихся в постоянном взаимодействии и оказывающих влияние друг на друга. В условиях поликультурности и светского государства выстраивается иерархия порядков в зависимости от их влияния на уровне локаций и объединений, что приводит к разнообразию моделей поведения индивидов; 3) концепции институционализации (Т. Парсонс, Р. Мертон, П.Л. Бергер, Т. Лукман, Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. Тернер и др.), согласно которым институты формируются людьми в результате многократного и регулярного повторения определенных действий, отвечают их интересам и вносят свой вклад в обеспечение стабильности общества на определенном историческом этапе.

Они оказывают влияние на людей, задавая рамки поведения, и в то же время могут переосмысливаться в зависимости от потребностей и обстоятельств; 4) неинституциональный подход (Д.С. Норт, Дж.Дж. Уоллис, Б.Р. Уейнгафт и др.), согласно которому индивиды активно используют разные институты, руководствуясь собственными интересами и социальным окружением в условиях «рынка» институтов, ограниченной рациональности, трансакционных издержек.

Для понимания функционирования институтов на микроуровне (конфликтные ситуации) выбрана концепция принятия решений (Р. Будон, М. Хехтер, С. Каназава, Г.С. Беккер, С. Плаус, Д.М. Мессик, К. Биккьери, А.Тенбрансель, Г. Норткрафт, Д.Э. Шеркат, Р. Ипхофен, Х. Виллен, П.-О.Х. Викстрем и др.), учитывающая разнообразие факторов, влияющих на индивидуальные выборы, и включающая положения теорий рационального выбора, игр и ситуационного действия с учетом особенностей характера личности, ее социализации, окружения, индивидуального опыта.

Сочетание вышеуказанных концепций позволило выработать авторский синтетический подход, позволяющий изучить проблему с разных точек зрения с учетом внешних и внутренних факторов, влияющих на развитие, функционирование и трансформацию религиозных институтов урегулирования конфликтов в условиях светского государства.

Методы исследования. Исходя из выбранных теоретических положений, в методологическом плане в диссертации применяются следующие методы социогуманитарных наук, обусловленные междисциплинарным характером религиозноведческих исследований по данной теме:

1) структурно-функциональный анализ – при описании места религиозных институтов в современном светском государстве, определения положения и роли религиозных органов урегулирования конфликтов в структуре религиозных объединений (организаций и групп), социума и государства;

2) сравнительно-сопоставительный метод – для сравнения ценностно-нормативных и институциональных аспектов различных религиозных традиций в сфере урегулирования конфликтов, а также моделей государственно-конфессиональных отношений в странах Европы и Северной Америки;

3) моделирование – при создании моделей религиозного конфликторазрешения по ключевым критериям: структура и полномочия органов урегулирования, взаимодействие регулировщиков со сторонами конфликта и между собой, применяемые практики;

4) типологизация – для группировки ключевых моделей функционирования религиозных институтов урегулирования конфликтов, выявленных в ходе исследования;

5) исследование кейсов с применением ситуационного и процессуального анализа для выяснения обстоятельств конфликта и процедуры его урегулирования;

6) опросные методы (экспертное интервью, анкетирование) – для уточнения собранной и проанализированной информации, сравнения

нормативно-институциональных предпочтений и моделей поведения верующих и представителей нерелигиозной группы респондентов.

Методы анкетирования и интервью выступают дополнительными методами для проверки данных, полученных в ходе анализа источников и публикаций.

Научная новизна исследования. Представленная диссертация является первым комплексным исследованием, посвященным изучению места и роли религиозных институтов урегулирования конфликтов в условиях светского государства и ситуации постсекулярности, с привлечением широкого спектра источников и публикаций по теме, анализа кейсов, проведением эмпирического исследования на примере двух регионов с христианским и мусульманским населением.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Представлено авторское определение светского государства, посредством основных признаков: формального признания свободы религии, подчинения религиозных сообществ светскому закону, отсутствия религиозной легитимации политико-правовой системы и государственных полномочий у религиозных организаций, распространяющихся на все население без права выбора. Выделение указанных признаков позволяет охватить все разнообразие моделей секулярных государств и отделить светские государства от клерикальных и теократических.

2. Дана авторская дефиниция религиозной регулятивной системы в виде ценностей, норм и правил поведения, применяемых в религиозных сообществах вследствие веры в сверхъестественное, что позволяет провести разграничение между религиозными системами и нерелигиозными ценностно-нормативными регуляторами в виде этнических и субкультурных обычаев, корпоративных установлений и права. Религиозные системы не тождественны правовым системам, обеспеченным принудительной силой государства, поскольку религиозные ценностно-нормативные предписания обладают собственными уникальными признаками и сферами применения, нехарактерными для других регуляторов общественных отношений: опора на религиозные источники и мнение религиозных авторитетов, индивидуальную веру и коллектив единоверцев.

3. Предложено авторское определение религиозного института урегулирования конфликтов как совокупности регулятивного компонента (религиозные ценности, нормы и правила), ролей (регулирующий, стороны конфликта, третьи лица) и практик (консультация, переговоры, медиация, арбитраж, судейство). Выделение составляющих религиозный институт элементов позволяет показать, как реализация институтов переговоров, медиации, арбитража и судейства различается в зависимости от вероисповедания, характера отношений и предназначения.

4. Предложена систематизация религиозных органов конфликто разрешения по их полномочиям и направлениям деятельности в виде единоначальных или коллегиальных органов по организации переговоров (включая медиацию); арбитражей (третейских судов), судов, позволяющая

оценить соответствие статуса и роли религиозного регулировщика с применяемыми им практиками. Религиозные переговоры представляют собой взаимодействие сторон конфликта в виде непосредственной коммуникации, при помощи представителей или посредников (медиаторов); религиозный арбитраж – урегулирование конфликта с участием третьих лиц (третейских судей), выбираемых сторонами; религиозное судейство – рассмотрение дела третьим лицом (судьей), независимым от воли сторон. Таким образом, альтернативные практики урегулирования конфликтов в религиозных объединениях представлены не тремя формами, характерными для светского негосударственного конфликто разрешения (переговоры, медиация, арбитраж), а четырьмя: переговоры, медиация, арбитраж, судейство.

5. Разработана авторская модель многофакторной детерминированности функционирования религиозных институтов урегулирования конфликтов, учитывающая общие (особенности вероучения, регулятивной системы, структуры объединений), региональные (средовые) факторы (местные традиции, социально-экономические условия, правовая система, политическая ситуация), частные (ситуативные) факторы (цели, мотивы и интересы лидеров объединения, регулировщиков, участников) и позволяющая эксплицировать трансформацию функций религиозных органов конфликто разрешения в зависимости от типа объединения, локации, исторических периодов. Религиозные институты, с одной стороны, формируют поведение верующих, задавая приемлемые рамки взаимодействия, а с другой – изменяются в зависимости от социокультурной среды.

6. Проведена типологизация моделей религиозного конфликто разрешения в христианских, мусульманских, иудейских объединениях, организациях новых религиозных движений (традиционно-общинная, традиционно-церковная, инновационно-внеденоминационная, корпоративная), позволяющая раскрыть сущность и роль религиозных институтов на основе внутренней структуры и полномочий религиозных органов, деятельности регулировщиков и реализуемых практик. Для иудейских и мусульманских объединений характерен общинный вариант разрешения противоречий, католических, православных и некоторых протестантских объединений – церковный, в протестантском сообществе США выработана инновационно-внеденоминационная модель, в новых религиозных движениях (мормоны, иеговисты, саентологи) – корпоративная.

7. Выявлены и объяснены различия в практиках медиации, арбитража и судейства среди христиан и мусульман на основе авторской типологии основных моделей религиозного конфликто разрешения в разрезе детерминирующих их функционирование факторов на региональном уровне на примере республик Татарстан и Дагестан, позволяющие раскрыть миротворческий потенциал традиционных религий России. Применение модели раскрывает, каким образом особенности регулятивной системы, характер взаимоотношений в объединениях и традиции повышают или понижают востребованность религиозных институтов конфликто разрешения.

Положения, выносимые на защиту:

1. Автором сформулированы следующие определения светского государства, религиозной регулятивной системы и религиозного института урегулирования конфликтов:

а) светское государство – это государство, в котором формально признано индивидуальное и коллективное право на свободу совести и вероисповедания, религиозные объединения подчиняются светскому праву, существующий правовой порядок легитимизируется без опоры на тексты священных писаний и божественных установлений, у религиозных объединений отсутствуют государственные полномочия на безальтернативной основе в отношении всего населения;

б) религиозная регулятивная система – это ценности, нормы и правила поведения, основывающиеся на вере в сверхъестественное и обязательные к применению в сообществах верующих;

в) религиозный институт урегулирования конфликтов – это ценности, нормы, правила, практики, системы статусов и ролей, основанные на религиозных учениях и применяемые религиозными объединениями для разрешения противоречий.

2. По итогам анализа источников и проведенного опроса установлены особенности функционирования религиозных институтов конфликто разрешения:

а) роли религиозных регулировщиков в виде консультантов, посредников, медиаторов, арбитров и судей берут на себя агенты урегулирования (физические лица), выступающие в контексте религиозных объединений в качестве органов урегулирования – единоначальных или коллегиальных структурно-функциональных частей объединения в виде органов по организации переговоров (в том числе медиации), арбитражей и судов;

б) на функционирование религиозных институтов урегулирования конфликтов влияют следующие факторы: общие (вероучение, регулятивная система, структура объединения), региональные (локальные культурные традиции, социально-экономические условия, правовая система, политическая ситуация), частные (цели и мотивы участников конфликта, обстоятельства ситуации);

в) религиозные традиции урегулирования конфликтов имеют общие и особенные черты в зависимости от вероучения и пути исторического развития: в иудаизме и исламе особое внимание уделяется судейству и арбитражу, в христианстве акцент делается на примирительных процедурах; индуизм учитывает социальную принадлежность участников конфликта, буддизм выделяется внутренними правилами сангхи, конфуцианство уделяет внимание родственным связям, этике, культуре стыда; в новых религиозных движениях (мормоны, иеговисты, саентологи) семьи, трудовые и предпринимательские коллективы верующих подчинены органам управления организаций.

3. Установлены отличия религиозных институтов урегулирования конфликтов от светских государственных институтов: 1) стремление

регулирующих к сохранению социальных связей между сторонами конфликта; 2) опора при решении конфликтов на религиозный коллектив; 3) гибкость применяемых инструментов урегулирования, сочетание методов в зависимости от обстоятельств; 4) возможность совмещения регулировщиками нескольких ролей; 5) доступность институтов для верующих; 6) быстрота и меньшая стоимость рассмотрения дел; 7) недостаточно подробная регламентация процедур в сравнении со светскими аналогами (недостаток частично устраняется при инновационно-внеденоминационной модели); 8) непубличность процедур, их закрытость для участия третьих лиц; 9) сочетание регулировщиками в одном лице полномочий судебной, законодательной и исполнительной власти в объединениях.

4. Распространенные в светских государствах Европы и Северной Америки религиозные механизмы урегулирования конфликтов типологизированы нами в виде традиционно-общинной (иудейские и исламские объединения), традиционно-церковной (католическая, православные, протестантские церкви), инновационно-внеденоминационной (консервативные протестантские объединения в США), корпоративной (мормоны, иеговисты, саентологи) моделей урегулирования конфликтов со следующими признаками:

а) традиционно-общинная модель характеризуется отсутствием сложной иерархической организации и апелляционных инстанций; автономным характером взаимоотношений между объединениями; влиянием этнокультурных обычаев на механизмы разрешения противоречий; возможностью сочетания регулировщиками нескольких ролей в рамках одного кейса (медиатора, арбитра, судьи); разнообразием рассматриваемых регулировщиками дел: от обрядовых и брачно-семейных до имущественных дел и даже правонарушений;

б) традиционно-церковная модель отличается иерархической организацией органов управления; относительно единообразной сетью церковных органов на государственном и надгосударственном уровнях; наличием нескольких инстанций конфликторазрешения, в том числе апелляционных; более сложным характером процедур в сравнении с общинной моделью, когда наряду с регулировщиками и сторонами в разбирательстве участвуют специалисты, официальные представители, секретари и иные третьи лица; строгой специализацией внутренних церковных органов, в основном занимающихся внутриорганизационными конфликтами, восстановлением нарушенного порядка управления;

в) инновационно-внеденоминационная модель характеризуется формированием внешних по отношению к религиозным организациям структур, профессионально оказывающих услуги по медиации и арбитражу широкому кругу лиц; специализацией регулировщиков и периодическим повышением их профессиональных компетенций; сертификацией услуг регулировщиков; регламентацией процедур и оформлением договоров; рекламированием услуг;

г) корпоративная модель выделяется строгой разветвленной вертикалью органов управления, включающей органы религиозных организаций, общинные

структуры, трудовые коллективы, предпринимательские круги, семьи верующих; регламентацией процедур; акцентом на обязанностях участников и дисциплинарных мерах.

5. На основе анализа практик, кейсов и проведенных опросов выявлено, что в двух российских регионах, Татарстане и Дагестане, христианская традиционно-церковная модель урегулирования конфликтов, представленная церковными органами и приходским духовенством, менее востребована в сравнении с мусульманской традиционно-общинной с ее широким кругом регулировщиков и рассматриваемых ими дел, что связано с сочетанием общих и средовых факторов: уровня социально-экономического развития и образования, права, особенностей вероучения, практик объединений, этнических традиций, социального окружения. В свою очередь, исламские институты играют более важную роль в Дагестане, нежели в Татарстане, что объясняется влиянием консервативной в плане сохранения традиций монорелигиозной среды. При этом на частном уровне в обоих регионах существенное значение играют обстоятельства ситуации, поскольку выбор форумов зависит не только от религиозной идентичности и этнической принадлежности, но и от гендера, учета индивидами приобретений и потерь.

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность результатов исследования обеспечивается совокупностью положенных в его основу подходов, методов и источников, позволяющих исследовать проблему согласно поставленной цели и задачам на макро-, мезо- и микроуровнях (общество и государство, религиозные объединения, индивиды).

Теоретическая значимость исследования. В работе даны авторские определения 1) светского государства, с перечислением его главных признаков, 2) религиозной регулятивной системы, с указанием ее сущностных отличий от обычаев, корпоративных и правовых регулятивных систем, 3) религиозных институтов урегулирования конфликтов; раскрыты составляющие элементы религиозных институтов урегулирования конфликтов, выявлены модели реализации институтов на примере наиболее распространенных в религиозных объединениях практик; обобщены факторы, влияющие на формирование и функционирование данных институтов в условиях постсекулярного общества на макро-, мезо- и микроуровнях. Использование предложенной методологии в исследовании деятельности религиозных институтов позволяет углубить представления о роли религии в постсекулярном обществе.

Материалы диссертации могут быть использованы при дальнейшей научной разработке проблемы в рамках исследования вероучительных основ и актуальных религиозных практик, деятельности религиозных объединений, особенностей государственно-конфессиональных отношений.

Практическая значимость исследования. Работа может быть полезна религиоведам, антропологам, представителям религиозных объединений, юристам, законодателям, а также представителям других наук и сфер деятельности, исследующим деятельность религиозных сообществ, религиозные практики урегулирования конфликтов, связанные с ними противоречия и способы их разрешения.

Предложенные многофакторная концепция и типология моделей функционирования религиозных институтов конфликто разрешения могут быть использованы в работе органов государственной власти при определении направлений государственно-конфессиональной политики, разработке законопроектов, аргументации принимаемых решений. Полученные результаты представляют интерес для религиозных деятелей с точки зрения реализации регулятивной функции религиозных объединений в условиях постсекулярности, ценностно-нормативного плюрализма и светского правового пространства, внедрения наиболее успешных практик конфликто разрешения.

Апробация результатов исследования. Различные аспекты диссертационного исследования обсуждались на всероссийских и международных конференциях: Всероссийской научно-практической конференции «Феномен экстремизма, терроризма и ксенофобии на Северном Кавказе: факторы генезиса, пути и способы противодействия» (Махачкала, 2015), Всероссийском научном форуме «Религия в современном обществе» (Карачаевск, 2016), Научно-практической конференции с международным участием «Государство, общество и церковь: миграция и межкультурное разнообразие» (Новосибирск, 2018), Международной научно-практической конференции «Церковь, государство и общество: исторические, политико-правовые и идеологические аспекты взаимодействия» (Иркутск, 2020), VII Международной научно-практической конференции «Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы» (Иркутск, 2021), V Всероссийской научно-практической конференции «Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации» (Казань, 2022), Международной научно-практической конференции «VII Болгарские чтения «Духовное наследие мусульман как основа укрепления традиционных ценностей» (Болгар, 2023), Международной научно-практической конференции «Религия и наука: трансформация религиозности в модернизирующемся обществе» (Казань, 2024), Международной научной конференции «Сохранение традиционных семейных ценностей в условиях глобальных вызовов» (Болгар, 2024), IX Всероссийской научно-практической конференции «Религиозная ситуация в российских регионах» (Омск, 2024); Научно-богословской конференции по церковному праву «VIII Барсовские чтения» (Санкт-Петербург, 2024) и др.

Основные положения диссертации были изложены автором в 2 монографиях и 4 коллективных монографиях, 21 статье из перечня изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ, из которых 11 статей входят в международные индексируемые базы Scopus и Web of Science, а также в 2 статьях в журнале из базы данных Scopus на английском языке. В связи с междисциплинарным характером темы исследования было дополнительно опубликовано 9 статей в журналах из перечня ВАК по группам научных специальностей «5.1. Право», «5.4. Социология», «5.6. Исторические науки», «5.11. Теология».

Представленное диссертационное исследование соответствует пунктам паспорта специальности «5.7.9. Философия религии и религиоведение» группы научных специальностей «5.7. Философия»: 10. Религиозная культура; особенности буддийской, православной, католической, протестантской, мусульманской, иудаистской и других религиозных культур; 13. Религиоведческая компаративистика; 20. Религия и общество; религии в системе общественных отношений разных стран мира. Секуляризация и десекуляризация. Социальные проблемы в религиозных учениях и официальных документах религиозных организаций; 27. Религия и политика. Государственно-конфессиональные отношения. Проблемы государства, права, политического участия в религиозных учениях и официальных документах религиозных организаций; 30. Религии в контексте процессов глобализации; 33. Религиозный комплекс: религиозное сознание, деятельность, культ, отношения, организации; социальные функции религии; 45. Современные исследования религии: религия и исследования гендера, религия и постколониализм; институциональный анализ религии; когнитивные исследования религии, религиоведческая концептология и семиотика религии; религия и медиа; религия в цифровой культуре и др.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав в составе восемнадцати параграфов, заключения, списка источников и литературы, приложения. Структура работы определена взаимосвязью поставленных исследовательских задач, необходимостью применения системного подхода к раскрытию поставленной цели в рамках междисциплинарности и полипарадигмальности на макро-, мезо- и микроуровнях исследуемой проблемы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** производится постановка проблемы, обосновывается актуальность темы, дается характеристика степени ее разработанности в научной литературе, раскрывается источниковая база, формулируются цель, задачи, объект и предмет исследования, задаются хронологические и географические рамки диссертации, обозначаются теоретико-методологические подходы, методы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, ее структура.

Глава первая «Трансформация подходов к пониманию светского государства в контексте постсекулярности» содержит анализ процессов модернизации и секуляризации, основных характеристик секулярности и ее отличий от секуляризма как идеологии. Раскрываются особенности светского государства, его принципы, признаки и модели. Обозначаются ключевые элементы постсекулярности и плюрализма ценностно-нормативных порядков как следствий модернизационных процессов.

В параграфе 1.1 **«Подходы к определению секулярности и ее характеристики»** сравниваются и обобщаются мнения исследователей второй половины XIX – начала XXI вв. о процессах секуляризации, роли и функциях

религии и религиозных объединений в условиях модернизации обществ и политико-правовых трансформаций в государствах.

Многие ученые обращали внимание на способность религии и религиозных объединений к адаптации, сохранение личной веры и элементов общинности в ситуации урбанизации и все большей индивидуализации моделей поведения. Религиозные институты, несмотря на утрату или ослабление ряда функций, адаптируются под новые запросы. Влияние религии теперь определяется связью религиозных структур с другими системами (политическими, экономическими, этническими и пр.) в условиях глубокой дифференциации институтов, с учетом историко-культурных особенностей стран.

Объектом секуляризации выступает не религия как явление, а отношения власти, регулятивный потенциал религиозных объединений и влияние их учений на поведение. Секуляризация обратима, религиозные сообщества могут развивать вспомогательные функции и все больше профессионализироваться. Секуляризация многовариантна, часть населения продолжает оставаться религиозной, что особенно заметно на фоне изменения этнокультурного состава населения вследствие глобализации и миграции. Формируется «рынок» религиозных воззрений, услуг и объединений.

Большинство авторов рассматривают состояние секулярности как результат нескольких взаимосвязанных процессов: 1) рост экономики, развитие торговли и индустриализация; 2) научно-технический прогресс и повышение авторитета научного знания; 3) институциональная дифференциация, когда функции религии начинают выполнять нерелигиозные институты (государство, учреждения науки и образования, системы социального обеспечения и здравоохранения и пр.); 4) урбанизация, разрушающая традиционный общинный уклад; 5) развитие системы образования и повышение уровня грамотности, меняющие мировосприятие; 6) усиление светской власти и удаление религиозных элит от процесса принятия наиболее важных решений в политико-правовой сфере; 7) формирование светского законодательства, легитимизируемого при помощи нерелигиозных рациональных доводов; 8) приватизация религии и индивидуализация религиозности в зависимости от личных предпочтений.

Поскольку религиозность не исчезает, а трансформируется в новые формы, дополняющие или замещающие традиционные, вместо термина «секуляризация», подразумевающего снижение религиозности в обществе и государстве, уместнее использовать термин «модернизация». Секуляризация нами рассматривается, в первую очередь, в политико-правовом аспекте – это обусловленный социально-экономическими трансформациями общества процесс максимально возможного в текущих историко-культурных условиях формального ограничения государством мировоззренческой и регулятивной функций религиозных объединений.

В параграфе 1.2 *«Определения, признаки и виды светского государства»* анализируются определения и классификации светского государства в отечественной и зарубежной литературе. Единый набор

критериев секулярного (светского) государства не выработан, но в публикациях обнаруживается большое количество дескриптивных определений, раскрывающих сущность данной политико-правовой системы при помощи основополагающих принципов и признаков, отделяющих ее от теократических и клерикальных систем. Классификации государств производятся по типу государственно-конфессиональных отношений, в зависимости от характера взаимодействия власти с религиозными объединениями, правового статуса какого-либо вероисповедания.

Чем больше параметров учитывают авторы, тем меньше государств можно классифицировать как светские, что признается самими исследователями. Полное отделение религии и религиозных объединений (по крайней мере, части объединений) от государства оказывается сложно достижимым даже в современных странах либеральной демократии. Великобритания, Германия, Греция, США по ряду признаков не вписываются в строгие рамки «светскости», турецкая модель «лаицизма» не аналогична французской, а Израиль по ряду признаков оказывается ближе к клерикальной модели.

Мы относим к основным следующие признаки: 1) формальное признание индивидуального и коллективного права на свободу совести и вероисповедания; 2) подчинение религиозных объединений светскому законодательству, имеющему приоритет над положениями религии; 3) легитимация существующего правового порядка при помощи апелляции к общественной пользе, правам человека и традиции, без опоры на тексты священных писаний и божественных установлений; 4) религиозные объединения не выполняют отдельных функций государства в отношении всего населения на безальтернативной основе. Остальные признаки являются дополнительными, поскольку на разных исторических этапах они могут варьироваться в зависимости от политической ситуации, культуры населения и пр. факторов. В исследуемых нами государствах Европы и Северной Америки представлены различные типы светскости (либеральная – США, Великобритания, смешанная - Канада, Германия, Испания, Италия, Греция, Россия, Турция, Нидерланды, Бельгия и др., консервативная – Франция). От модели светскости зависит признание юридической силы религиозных норм и решений органов религиозных объединений, что влияет на функционирование религиозных институтов урегулирования конфликтов.

В параграфе 1.3 **«Ситуация постсекулярности и ценностно-нормативного плюрализма»** рассматривается ситуация разнообразия регулятивных систем в контексте индивидуализации религии и усиления активности религиозных объединений в постсекулярный период. Индивидуализация религии и потеря религиозными институтами традиционных функций не означает потерю влияния в политической, культурной и поведенческой сферах, в особенности на фоне миграционных процессов. Изменившееся общество, в котором нейтральное светское государство и индивидуальные свободы уживаются с влиятельными религиозными объединениями, именуют постсекулярным. Происходит

гибридизация «религиозного», «этнического» и «светского», формируется пространство дискуссий о месте и роли религии.

Постсекулярность – это ситуация признания обществом и государством роли религии и религиозных объединений в социальной жизни на уровне общественного сознания, научных кругов и политических элит. Основными характеристиками явления выступают процессы возрождения религии, повышения религиозности и активности религиозных объединений на фоне: 1) экономической модернизации; 2) институциональной дифференциации; 3) мировоззренческой плюрализации; 4) светской политико-правовой системы.

Постсекулярность не означает десекуляризацию на государственном уровне. Наоборот, она характерна для стран, в которых индивиды равны вне зависимости от отношения к религии и могут формировать индивидуальные паттерны поведения, не опасаясь санкций, характерных для традиционных социумов. Постсекулярность стала возможной в условиях распада социалистического блока, усиления исламского фактора в политике, миграции представителей мусульманских регионов на Запад, распространения идеи мультикультурализма.

Ситуации постсекулярности и поликультурности вкупе с мультикультурализмом усиливают ценностно-нормативное разнообразие, индивиды и группы свободно формируют собственные модели поведения, прибегают к помощи различных институтов. В социогуманитарных исследованиях подобные явления рассматриваются в рамках концепции правового плюрализма (полиюридизма). Концепция подвергается критике из-за широкого определения права и излишней идеологизированности, способной привести к дезинтеграции законодательного пространства. В этой связи нами, вслед за рядом авторов, используется словосочетание «нормативный плюрализм».

Основными видами норм в постсекулярном обществе являются право (государственные нормы), обычаи (нормы этнических и иных социокультурных групп), религиозные предписания, корпоративные нормы. Ситуация постсекулярности подразумевает свободу выбора индивида в плюральном ценностно-нормативном пространстве, однако этот выбор не всегда обусловлен субъективными желаниями. Важную роль на микроуровне играют индивидуальная и групповая идентичность, социальные структуры, фреймы, определяющие поведение людей в тех или иных условиях. Верующие зачастую оказываются в ситуации конкурирующих и конфликтующих между собой порядков, конструируя символические структуры под конкретные обстоятельства.

Глава вторая «Механизм религиозного регулирования в условиях светского государства» посвящена механизму религиозного регулирования в рамках светской политико-правовой системы, для понимания которого затрагиваются сущность и особенности религиозной регулятивной системы, процессы институционализации урегулирования конфликтов в религиозных объединениях, факторы функционирования подобных религиозных институтов и взаимодействия религиозных регулятивных систем с нормами светского государства на конкретных примерах.

Параграф 2.1 *«Сущность религиозной регулятивной системы и ее соотношение с другими регуляторами общественных отношений»* раскрывает основные черты религиозной регулятивной системы в сравнении с другими ценностно-нормативными порядками. Религия в рамках нашего исследования рассматривается в узком значении как вера в сверхъестественное. Среди функций религии особое значение имеет регулятивная составляющая, реализуемая в отношениях внутри и вовне религиозных коллективов, главным элементом которой являются нормы – ожидания о надлежащем поведении, разделяемых членами определенной общности, выражаемые в виде правомочий, обязываний и запретов. Основными нормами выступают ценности – этические идеалы, принципы, суждения о должном и значимом. Дополнительно в регулятивных системах выделяют правила (описания поведения в наиболее типичных ситуациях), роли (представления о должном поведении согласно статусу индивида).

Религиозная регулятивная система соседствует с моралью, правом, обычаями, корпоративными установлениями, влияя на них и, в свою очередь, подвергаясь трансформациям, в некоторых случаях образуя «гибридные» системы в рамках сообществ. В работе мы не используем словосочетание «религиозное право», поскольку отделяем религиозную систему от правовой как системы общеобязательных и формально определенных норм, установленных или санкционированных государством и обеспечиваемых его принудительной силой. Обязательность религиозных предписаний в сфере общественных отношений и опора на коллективное принуждение не делает их юридическими, так как это общие признаки социальных регуляторов. Социальный контроль в религиозных системах осуществляется на трех уровнях: индивидуальный (самоконтроль); общинный; сверхъестественный (в сознании верующих).

В современном обществе религиозные регуляторы не носят всеохватный и абсолютный характер по причине индивидуализации поведения верующих, культурной плюрализации и требований законов светского государства. Одновременно в религиозную ценностно-нормативную систему вносятся изменения на уровне религиозных организаций в зависимости от интересов их лидеров, что в итоге приводит к трансформации вероучения на индивидуальном и коллективном уровнях.

В параграфе 2.2 *«Процесс институционализации урегулирования конфликтов в религиозных объединениях»* раскрываются теоретические аспекты институционализации конфликто разрешения в религиозных объединениях. Конфликт – это ситуация, в которой стороны (оппоненты) занимают противоположные позиции по отношению друг к другу. Конфликт может возникать не только из-за различия во мнениях (спор), но и в результате нарушения принятых установлений.

В религиозной среде можно выделить конфликты межличностные, внутригрупповые и межгрупповые. В зависимости от социального статуса, положения в иерархии объединения конфликты между верующими можно разделить на «вертикальные» (статусы сторон различаются), «горизонтальные»

(статусы сторон равны) и «смешанные» (участвуют равные друг другу и занимающие разное положение в иерархии лица). По предмету спора конфликты между верующими можно разделить на: 1) социальные (межличностные); 2) экономические; 3) трудовые; 4) иерархические; 5) конфликты вследствие причинения вреда; 6) конфликты из-за нарушения предписаний.

В религиозных объединениях в конфликтных ситуациях прибегают к следующим практикам: 1) переговоры (участие посредника возможно, но не обязательно); 2) медиация (посредник избирается сторонами и проводит определенные мероприятия для урегулирования конфликта, исполнение соглашения добровольно); 3) арбитраж (арбитр выбирается сторонами, исполнение решения может быть добровольным или принудительным); 4) судейство (судья не выбирается сторонами, исполнение решения обязательно). Религиозный процесс, в отличие от светского, зачастую имеет нелинейный характер, концентрируясь на поддержании взаимоотношений и сохранении сообщества при помощи неформальных практик, а посредники и судьи могут выступать в разных ролях. Регулирование конфликтов облекается в форму институтов, обеспечивающих структуру для коммуникации и принятия решений. В религиозных объединениях выделяются постоянно действующие или временные специализированные части механизма урегулирования в виде органов примирения и медиации, арбитражей (третейских судов), судов. Формируется ограниченная группа специалистов, способных выступать в роли судей, арбитров, медиаторов и посредников в зависимости от предмета конфликта, его характера, пожеланий сторон.

Элементами религиозного института урегулирования конфликтов выступают религиозная регулятивная система (ценности, нормы, правила материального и процессуального характера), религиозная практика урегулирования конфликтов (переговоры, медиация, арбитраж, судейство), роли участников конфликта (заявители, ответчики, нарушители, потерпевшие, третьи лица), агенты урегулирования (регулирующие конфликт, действующие в рамках религиозного фрейма) и органы урегулирования (единоначальные или коллегиальные структурно-функциональные части религиозного объединения).

Выделяются три основные разновидности религиозных органов урегулирования конфликтов по полномочиям и характеру деятельности: 1) религиозные суды (функционирующие преимущественно как дисциплинарные органы религиозного объединения); 2) религиозные арбитражи (третейские суды); 3) органы по организации переговоров, в том числе медиации. Данные органы могут носить смешанный характер. В сферу их основной компетенции входят брачно-семейные, имущественные, обрядовые и иные вопросы. Принимаемые ими решения могут быть: 1) особого (внутреннего) характера, направленными на специальных субъектов (священнослужителей, монахов; работников, членов религиозных объединений); 2) общего характера, в отношении неспециальных субъектов.

Параграф 2.3 «Функционирование религиозных институтов урегулирования конфликтов под влиянием разноуровневых факторов»

посвящен факторам, воздействующим на институты урегулирования конфликтов в светском государстве и постсекулярном обществе. Традиционные институты в современных условиях утратили монопольный статус в сфере социального контроля, что сказывается на положении религиозных институтов конфликто разрешения. Активность религиозных органов урегулирования конфликтов в публичном пространстве во многом зависит от модели государственно-конфессиональных отношений, придания юридической силы их решениям.

Дополнительными факторами, влияющими на функционирование институтов, являются структура религиозных объединений и практики управления (горизонтальные связи или вертикальная иерархия, закрытость или открытость групп и организаций, наличие специальных субъектов в виде профессионального духовенства, выработанные традиции и др.). Значение имеют этнические традиции, фактические взаимоотношения между лидерами объединений, духовенством и верующими, характер коммуникации между группами интересов.

В рамках неоинституциональной теории обращается внимание на то, как один и тот же институт порождает разные последствия в зависимости от контекста, а в рамках объединений поведение координируется лишь частично, поскольку индивиды преследуют как общие, так и личные цели. Эффективность решения институтами проблем определяется мотивацией игроков, сложностью окружения, способностью участников расшифровать и упорядочить окружение. Важную роль играют взаимность, эмпатия и взаимоуважение, а культурные предпочтения влияют на принятие или отрицание вариантов предлагаемых решений.

Обобщив вышепречисленное, можно классифицировать факторы функционирования религиозных институтов урегулирования конфликтов по нескольким группам: общие (вероучение, регулятивная система, структура объединения), региональные (локальные культурные традиции, социально-экономические условия, правовая система, политическая ситуация), частные (цели и мотивы участников конфликта, обстоятельства ситуации). Основой являются общечеловеческие принципы сосуществования (сохранение коллектива, избегание насилия, мирное разрешение разногласий, восстановление справедливости), уточняющиеся в рамках религиозных традиций с учетом региональных условий и частных обстоятельств.

В параграфе 2.4 *«Формы взаимодействия религиозной и государственной регулятивных систем на современном этапе»* раскрывается функционирование религиозных регулятивных систем в условиях светского законодательства, сказывающихся на реализации религиозных институтов конфликто разрешения.

Общими чертами религиозных регулятивных систем являются: 1) оценка других ценностно-нормативных систем с точки зрения вероучения и мнения религиозных авторитетов; 2) примат групповых интересов над индивидуальными; 3) обязательность соблюдения религиозных предписаний, добровольный отказ от которых ставит под сомнение статус и авторитет

верующего; 4) зависимость статуса человека от пола, происхождения, отношения к религии. Различия между ними и светскими системами обнаруживаются как в отношении материальных, так и процессуальных предписаний (например, свидетельские показания иноверцев и женщин).

В отношении придания религиозным предписаниям юридической силы в отдельных сферах (как правило, брачно-семейной, наследственной) в странах Европы и Северной Америки можно выделить несколько подходов: 1) отказ от признания в качестве норм права (Германия, Нидерланды, Россия, Франция), 2) признание некоторых норм в качестве правовых (Великобритания, Греция, Италия, Канада, США). По статусу институтов урегулирования конфликтов можно выделить три модели взаимодействия: 1) признание особой компетенции религиозных органов в качестве дополнения к светской судебной системе (Великобритания, США, Канада); 2) частичное признание в виде придания юридической силы их решениям по вопросам личного статуса, по умолчанию входящих в компетенцию государства (Испания, Италия, Португалия, Греция, Кипр, Португалия); 3) рассмотрение данных органов в качестве внутренних подразделений религиозных объединений, решения которых могут учитываться государством в отдельных случаях для подтверждения фактов (Франция, Германия, Нидерланды, Россия).

В рамках религиозных институтов принципы восстановления божественного порядка, единства коллектива и сохранения связей стоят выше индивидуальных интересов, статус участников определяется в зависимости от пола и отношения к религии, процессуальное оформление отсутствует или максимально упрощено, этапы процесса не имеют жесткой регламентации, превалирует устное разбирательство, апелляционные инстанции могут отсутствовать в силу простой структуры сообщества. Могут не учитываться принципы конфиденциальности (в случае обращения к общественному порицанию), гласности (если информация угрожает авторитету религиозного объединения), состязательности (в отношении еретиков и критиков).

Среди исследователей можно выделить сторонников расширения религиозных практик регулирования конфликтов, противников подобных шагов и приверженцев «умеренного» пути. Представители умеренного подхода предлагают компромисс в виде возможного регулирования отдельных семейных и имущественных отношений в рамках религиозных норм (посредством договоров), но при условии: а) добровольности сторон; б) соблюдения прав и свобод человека и гражданина; в) примата требований государственного права.

Глава третья «Вероучительные основы урегулирования конфликтов в религиях» касается вероучительных основ урегулирования конфликтов в священных писаниях и богословских трактатах авраамических религий (иудаизм, христианство, ислам), восточных религиозных традиций (индуизм, буддизм и конфуцианство), новых религиозных движений (мормоны, иеговисты, саентологи).

В параграфе 3.1 *«Конфликторазрешение в учениях авраамических религий»* уделяется внимание посредничеству и судейству в конфликтных

ситуациях в иудейской, христианской и мусульманской традициях. Несмотря на исторические и культурные особенности, обнаруживается сходство практик, что подчеркивает универсальный, общечеловеческий характер методов урегулирования конфликтов.

Богатый опыт государственности повлиял на особое внимание иудаизма к компетенции судов и арбитражей, порядку их формирования и проведению процесса, что нашло отражение в Торе и трудах богословов (трактат Санхедрин, «Мишне Тора» Маймонида, «Шулхан Арух» И. Каро). После прерывания цепочки посвящений в священники, функции судов в общинах вместо синедрионов стали выполнять «бейт-дины» (раввинские суды), с ограниченной компетенцией судей (даянов). Арбитраж осуществляется арбитрами (борерами). Судьей может быть только мужчина, соответствующий строгим критериям (образование, опыт, репутация, возраст и др.). Содержание знатоков галахи берет на себя община. В свою очередь, даяны должны быть справедливыми, внимательными, честными и стремиться к примирению сторон. Компромисс (пшара) и посредничество в примирении (тивух шалом) считаются религиозной обязанностью.

В христианстве общие принципы аналогичны иудейским, отличаясь большим акцентом на исправление верующего, саморефлексию, демонстрацию личного примера. Новый завет устанавливает внутриобщинный порядок урегулирования конфликта в три этапа (прямые переговоры, переговоры с участием посредников, церковное разбирательство). Главная задача в процессе урегулирования – покаяние, прощение и примирение, исходя из принципов икономии (снисхождения), акривии (строгости), метанойи (переосмысления). Новый завет, как и Тора, позволяет судиться только у единоверцев.

В исламе регулирование конфликтов основывается на аятах Корана и хадисах из Сунны. Способы урегулирования выступают: 1) переговоры и медиация (сульх); 2) третейское разбирательство (тахким); 3) судейство (када). Коран призывает быть справедливым, добродетельным, не следовать пути несправедливости. Медиация и судейство рассматриваются одновременно как самостоятельная практика и как этапы единого процесса, могут сменять друг друга, одобряется возврат к этапу примирения. Мусульманам запрещается разрывать отношения с другими мусульманами, а лидер общины обязан поддерживать мир. Некоторые расхождения в толковании практик наблюдаются в мазхабах, но общие принципы (справедливости, беспристрастности, доказанности, воздаяния, компенсации вреда и предотвращения будущих противоречий) остаются неизменными.

В параграфе 3.2 *«Урегулирование конфликтов в восточных вероучениях»* анализируется урегулирование конфликтов в индуизме, буддизме и конфуцианстве.

Основой индуистской регулятивной системы являются понятия «дхармы» (закона бытия, предопределения, истины) и «ахимсы» – уменьшения зла, сострадания, ненападения вреда живым существам мыслью, словом и действием. В «Манавадхармашастре» (Законы Ману) особое внимание уделяется судейству, осуществляемому двумя высшими варнами: брахманами

и кшатриями. Принципами разбирательства являются справедливость, мудрость, строгость, внимательность. Призывы к примирению сочетаются с идеей социальной иерархии и предопределенности поведения происхождением. Индуистский подход включает следующие положения: 1) принятие во внимание потребностей другой стороны; 2) стремление достичь целей мирным путем (убеждение другой стороны следовать дхарме, готовность к уступкам и доброе слово); 3) при недостижении мира неизбежна война (т.е. судебный процесс). Механизм улаживания противоречий тесно связан с древними обычаями населения Индии, согласно которым конфликты разрешались в рамках соответствующих местных родовых, сословных и профессиональных коллективов, в советах старейшин (панчаятах).

Буддизм, как и индуизм, следует идеям дхармы и ахимсы, поэтому отрицательно относится к конфликтам и спорам, связывая их со страстями, злобой и гневом. «Виная Питака» содержит нормы и правила поведения для мужчин и женщин, состоящих в буддийских монашеских общинах (сангхах). Правилам улаживания указанных противоречий посвящен особый раздел «Адхикарана саматха», включающий краткие изречения о конфликтообразовании по примеру Будды. Медиация предпочитается арбитражу, который считается вынужденной мерой. При переговорах следуют принципам «каруны» (сострадания к людям и живым существам), «метты» (дружелюбия и благожелательности), внимательного выслушивания собеседника и взвешивания своих слов, самодисциплины.

Особая традиция урегулирования конфликтов сформировалась в конфуцианстве. Конфуций отрицательно относился к упорядочению общественных отношений посредством законов и наказаний, придавая главное значение сохранению традиций предков. Идеальное общественное устройство возможно тогда, когда в государстве главенствуют «дао» (путь, социальный порядок, принцип мироздания), ритуалы и музыка. Лучшим считается отсутствие тяжб. Центральной идеей является любовь к людям (жэнь), основанная на почтении к родителям, долге, добродетели, искренности, великодушии, беспристрастности. Рекомендуются сначала попытаться переубедить и исправить нарушителя, наказание выступает крайней мерой. Основным принципом заключается в сохранении традиционного иерархического и патриархального порядка, рассматривающегося как следование «дао». Важную роль в конфуцианстве играет община (ли) и ее органы самоуправления.

В параграфе 3.3 **«Разрешение конфликтов в новых религиозных движениях»** раскрываются основы урегулирования конфликтов в учениях мормонов, иеговистов и саентологов.

Разработанные в данных объединениях системы правил, охватывающие большинство сфер жизни, напоминают корпоративную этику, при которой устремления и поведение каждого работника ставятся в зависимость от интересов организации, руководство которой стремится максимально влиять на личную жизнь сотрудников.

В «Книге Мормона» особое внимание уделяется идеям справедливости и праведного суда. Мормоны должны быть едины, подчиняться руководителям общин, не спорить между собой и не вредить друг другу. Самодисциплина, покаяние и коллективный надзор играют важную роль в системе контроля, любые начинания обговариваются со старшими. В случае ссоры следует примириться с единоверцем, при проступке – раскаяться, но при повторном нарушении следует изгнание. Мормонские тексты, рассказывающие о появлении судебной власти и периоде правления судей, повторяют ветхозаветные предания о судьях-первосвященниках, о мудрых и праведных мужах, вершивших правосудие при соблюдении коллективистских начал.

Система управления в иеговизме*, во главе которой стоит Руководящий совет, именуется «теократией». От верующих требуется сохранение единства и беспрекословное следование лидерам. Такие же принципы должны соблюдаться в семьях и трудовых коллективах. Верующие должны контролировать себя, проявлять терпение, каяться, уклоняться от конфликтов, для чего требуется формирование среды единоверцев. Обо всех нарушениях в своем окружении верующие должны сообщать старейшинам, нарушители предписаний исключаются из общины по решению лидеров. С исключенным человеком общение прекращается с целью его перевоспитания. Обращение в светские суды не допускается, за исключением уголовных дел. Сначала требуется провести переговоры, затем привлечь старейшин.

Правила Церкви саентологии* именуется термином «этика», в организации подробно расписываются виды правонарушений и наказания за них (от предупреждений до ареста и признания «врагом»). Человеческие законы и системы юстиции считаются неподходящими для религиозного «научного» учения. Вместо них предлагается система воспитания и организации, минимизирующая вероятность нарушений. Все конфликты и преступления происходят по вине «антисоциальных личностей» и «антисаентологов». Исправить положение дел способны лишь сбалансированные, разумные люди, защищать которых призвано саентологическое правосудие, включающее сбор информации, расследование дела, вынесение решения, наказание и реабилитацию в случае осознания нарушителем вины.

Для перечисленных НРД характерно безапелляционное претворение решений руководящих органов, стремление максимизировать контроль. При этом они стараются так или иначе вписаться в общество и использовать имеющиеся социальные институты, чего нельзя сказать о радикальных НРД, пытающихся полностью ограничить контакты адептов с внешним миром или разрушить его с помощью насилия, примерами чего выступают ультраортодоксальная иудейская группа «Лев-Тахор» и международная террористическая организация «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ)*.

Глава четвертая «Модели развития религиозных институтов урегулирования конфликтов в странах Европы и Северной Америки» раскрывает основные модели реализации институтов урегулирования

конфликтов в четырех вариантах: традиционно-общинная модель иудейских и мусульманских объединений, традиционно-церковная модель в христианстве, инновационно-внеденоминационная модель протестантских объединений и корпоративная модель новых религиозных движений.

Параграф 4.1 **«Традиционно-общинная модель урегулирования конфликтов в иудейских и мусульманских объединениях»** раскрывает урегулирование конфликтов в иудейских и мусульманских сообществах, отличающихся превалированием горизонтальных связей, простотой организационной структуры, отсутствием жесткой вертикальной иерархии, всеохватностью регулятивной системы. Как правило, иудейские и мусульманские объединения стремятся встроиться в социумы светских государств Европы и Северной Америки, сохраняя относительную автономность и применяя нормы галахи и шариата наряду с обычаями и местными законами.

Если иудейские практики распространены в ограниченных масштабах, то мусульманские процедуры применяются достаточно широко. Общим является разнообразие институций, их локальный характер и зависимость процедур от устоявшихся в этнических и субэтнических группах традиций. Как правило, процедура урегулирования многоэтапна: переговоры, медиация, арбитраж, судейство. Бейт-дины, шариатские арбитражи и органы медиации работают во многих странах Европы и Северной Америки (Великобритании, Франции, Германии, Греции, Нидерландах, Швейцарии, Канаде, США, Турции, России и др.) как на официальной, так и неформальной основе, но единой системы они не образуют, могут оспаривать компетенции и решения друг друга.

Современные иудейская и исламская модели урегулирования конфликтов в светских государствах продолжают сохранять общинные черты, о чем свидетельствуют: 1) отсутствие строгих иерархических структур с многозвенной системой разрешения противоречий; 2) отсутствие апелляционных инстанций; 3) относительная автономность объединений в отношениях друг с другом; 4) сочетание религиозных норм с этническими обычаями; 5) разносторонность практик и ролей, в которых выступают религиозные деятели, специалисты и лидеры объединений – сочетание медиации, арбитража и судейства в рамках одного разбирательства, с привлечением членов сообществ; 6) широкий спектр рассматриваемых дел: о личном статусе, обрядовых, брачно-семейных, экономических (имущественных, предпринимательских), в отдельных случаях – дел о преступлениях и наказаниях. Последнее вызывает опасения исследователей и органов власти, так как создает предпосылки для формирования «параллельной юстиции», особенно в замкнутых консервативных группах этнорелигиозных меньшинств.

Параграф 4.2 **«Традиционно-церковная модель урегулирования конфликтов в христианских объединениях»** посвящен сравнению конфессиональных систем урегулирования конфликтов в христианстве. Поскольку христианские нормы не охватывают часть сфер общественной

жизни, объединения допускают их регулирование светскими законами, при соблюдении общих принципов вероучения.

Католическая система сложна и строго регламентирована, включает епархиальные и митрополичьи суды, суды Римской курии, специальные дисциплинарные органы по преступлениям против веры, против половой неприкосновенности детей. Православные церкви (например, Сербская, Элладская, Русская) также придерживаются вертикальной иерархической модели (суды епископов и митрополитов, ставропигиальные инстанции, высшие апелляционные органы). Протестантские церкви, в отличие от римско-католической, не имеют единых канонических сводов и опираются на внутренние церковные регламенты, различающиеся в зависимости от учения и государства. Их механизмы включают как епархиальные и апелляционные судебные инстанции, так и специальные трибуналы (дисциплинарные, уставные, по вопросам вероучения, по имущественным отношениям и т.д.), трудовые арбитражи, особые государственные инстанции (например, в Великобритании). Хотя церковные системы преимущественно занимаются рассмотрением дисциплинарных дел в отношении специальных субъектов (духовенства, монашествующих, работников религиозных организаций и др.), а также признают недействительными браки, на уровне приходов и в рамках судебных процессов не исключаются переговоры и медиативные практики.

Особенностями традиционно-церковной модели являются: 1) наличие строгой вертикали власти и иерархии официальных церковных органов; 2) многоступенчатый характер разбирательств, предполагающий одну или несколько инстанций для обжалования решений; 3) формирование относительно единообразной по своей компетенции сети церковных органов на государственном (протестантские и православные церкви) и надгосударственном (римско-католическая церковь) уровнях; 4) сложный характер процедур, в которых кроме регулировщиков участвуют специалисты по канонам, эксперты, секретари и др. лица, обеспечивающие процесс; 5) как правило, судебная власть в церквях, за некоторым исключением, традиционно не отделяется от законодательной и исполнительной власти; 6) ограниченная специализация официальных церковных органов. Несмотря на критику в адрес церковных судов разных конфессий, они представляют собой важное звено в поддержании вероучительного и административного единства в объединениях.

В параграфе 4.3 **«Инновационно-внеденоминационная модель урегулирования конфликтов в протестантских объединениях»** уделяется внимание опыту американских христианских объединений в формировании особой системы урегулирования конфликтов в высококонкурентной религиозной среде на фоне политики поощрения негосударственных практик примирения и арбитража.

Миротворческие протестантские организации стали складываться в 1980-х гг. на базе христианских служб примирения и сторонников нравственного оздоровления при помощи «библейского консультирования». Одной из крупнейших организаций стал Институт христианского примирения, основанный в 1993 г. В дальнейшем сеть миротворцев расширилась за счет

локальных служб, оказываемых верующими психологами и юристами. Отличительными чертами подхода стали профессионализация, утверждение образовательных стандартов и оказание образовательных услуг с целью подготовки посредников, подробная регламентация процедур, высокий уровень проработки соглашений, заключаемых с участниками процесса, контроль над качеством оказываемых услуг.

Существует три ступени миротворческой деятельности: коучи (инструкторы по примирению), медиаторы и арбитры. Они занимаются разрешением внутрицерковных, семейных, предпринимательских, трудовых и межличностных споров, организуют практические семинары, разрабатывают методические пособия. Сторонами в процедурах примирения, как правило, выступают христиане, но иногда с согласия медиаторов участвуют и представители других вероисповеданий, разделяющие христианские принципы.

Внеденоминационная модель выступает примером частичного восстановления традиционных функций религиозных институтов в светском государстве и постсекулярном обществе. Эти практики стали результатом сочетания нескольких причин: 1) значительное число практикующих христиан в американском обществе; 2) активность протестантских объединений консервативного толка в общественно-политической и правовой сферах; 3) особенности американского законодательства и практики местных судов; 4) относительно высокая правовая культура общества, способствующая развитию договорных отношений и негосударственных практик урегулирования противоречий; 5) большое количество специалистов в сферах, затрагивающих разрешение спорных ситуаций: юристов, психологов, конфликтологов; 6) поддержка религиозных практик урегулирования конфликтов со стороны религиозных деятелей; 7) развитые информационные технологии и доступ к ним широких масс населения (интернет, социальные сети, СМИ).

В параграфе 4.4 *«Корпоративная модель урегулирования конфликтов в новых религиозных движениях»* анализируются системы мормонов, иеговистов и саентологов, объединяющие общинную и церковную модели. Базовыми единицами здесь выступают семья и коллектив. Конфликтные ситуации на низовом уровне разрешаются внешними акторами, органами религиозных организаций, часто в обязательном порядке. Если в традиционно-общинной модели коллективные механизмы не выходят за пределы локальных сообществ, а в традиционно-церковном варианте конфликты мирян разрешаются обращением в церковные органы в добровольном порядке, то в данном случае формируется корпоративная система, в которой тесная коммуникация единоверцев сочетается с жесткой властной вертикалью от семьи до высшего руководства. Несогласие и нарушение влекут исключение из коллектива, угрожающее распадом семьи, увольнением с работы и т.д. При этом модель все равно проницаема для внешнего мира, особенно если численность последователей велика, ситуации выбора форумов не исключаются.

У мормонов урегулированием конфликтов занимаются епископы приходов, руководители стейков (епископы), советы по вопросам членства (дисциплинарные советы) прихода, епархии, филиала, района, миссии; специальный разъездной совет, Высший совет в качестве апелляционной инстанции. Иеговисты опираются на советы и комитеты старейшин, надзирателей и руководство филиалов, Руководящий Совет. В Церкви саентологии* система правосудия включает: 1) суд капеллана; 2) суд по этике; 3) комитет свидетельства; 4) комитет по расследованию.

Урегулирование конфликтов производится в форме консультирования, переговоров, медиации, арбитража и суда, с опорой на покаяние, примирение, в противном случае – наказание. Поощряется сообщение о проступках единоверцев старшим в группах. Обращение в светские органы не приветствуется, кроме необходимости оформления прав и фактов преступлений, однако наблюдается стремление в отдельных случаях скрыть правонарушения, наносящие урон авторитету объединений. У саентологов корпоративная модель приобретает законченную форму: религиозно-философское учение сочетается с требованием постоянного повышения «работниками» показателей согласно регламентам, противоречия преимущественно решаются не компромиссами, а санкциями.

Глава пятая «Религиозные институты урегулирования конфликтов в России на примере Татарстана и Дагестана» затрагивает религиозные институты урегулирования конфликтов в Российской Федерации на примере христиан и мусульман двух регионов: Татарстана и Дагестана. Религиозность населения анализируется с учетом историко-культурных и социально-экономических факторов. Раскрывается деятельность местных религиозных объединений в сфере разрешения конфликтных ситуаций, сравниваются результаты массового анкетирования верующих и экспертных интервью с религиозными деятелями.

В параграфе 5.1 **«Влияние историко-культурных и социально-экономических факторов на религиозность населения Татарстана и Дагестана»** отношение к религии, религиозным нормам и институтам в Татарстане и Дагестане сравнивается с учетом общероссийского законодательства, культурных особенностей, структуры общества, уровня урбанизации, развития экономики, активности религиозных объединений.

В Татарстане до 1917 г. православие и ислам были главными социальными регуляторами, а конфликто разрешение осуществлялось в рамках общинных и религиозных институтов. В советский и постсоветский периоды произошла стремительная урбанизация населения, сельские общины перестали выполнять прежние функции, расширилось участие женщин в общественной жизни и трудовой деятельности, произошел переход к нуклеарной эгалитарной семье, участились межкультурные контакты, увеличилось число межнациональных браков. Ислам и православие стали восприниматься не как система обязанностей, а как личное вероубеждение и набор обрядов, необходимых на наиболее значимых этапах жизни (именаречение, брак,

похороны и др.). Модели поведения во многих сферах утратили этнорелигиозные черты.

На дореволюционном Северном Кавказе ситуация отличалась от положения в Поволжье. Социальное регулирование в родовом и сословном патриархальном обществе происходило на основе адата и шариата. Разрешением конфликтов занимались младшие и старшие муллы, кадии, горские народные и словесные суды. Хотя советская политика существенно изменила жизнь северокавказских народов, многие традиции сохранились. После распада СССР нормы шариата и адата вновь стали применяться в качестве неофициальных регуляторов наряду с законом, чему способствовала активность мусульманского духовенства. Хотя патриархальные обычаи распространены в общественно-политической, брачно-семейной и наследственной сферах, а родовые, коллективные интересы преобладают над личными, глобализация затрудняет возврат консерватизма, культура региона стала синкретичной и эклектичной.

Параграф 5.2 *«Реализация механизмов урегулирования конфликтов в религиозных объединениях Татарстана и Дагестана»* посвящен формальным и неформальным институтам конфликtoresшения в двух республиках, сравнительному анализу практик, органов и их функций.

Христианские институты урегулирования конфликтов в Татарстане представлены в православных, протестантских и католических объединениях. В епархиях Татарстанской митрополии Русской Православной Церкви действуют церковные суды. В качестве органа досудебного исследования дел выступает дисциплинарная комиссия. В основном данные органы рассматривают дела о проступках духовенства и признании недействительности церковных браков. Урегулирование иных споров происходит священниками в приходах, в которых налажена общинная жизнь. Католических судов в республике нет, дела прихожан и духовенства направляются для рассмотрения в другие регионы согласно иерархии. В протестантских объединениях медиация и арбитраж иногда реализуются на уровне пасторов, лидеров общин.

В составе Духовного управления мусульман РТ разбирательством дел по шариату занимаются имамы и региональные казыи (шариатские судьи), входящие в Совет казыев – административно-судебный орган, рассматривающий наиболее сложные дела по обращениям мусульман, но не выступающий апелляционной инстанцией. Большинство разбираемых имамами и казыями дел составляют брачно-семейные дела, в основном разводы, реже – наследственные, имущественные, финансовые споры. Среди предпринимателей-мусульман востребован арбитраж, осуществляемый шариатскими экспертами, часто не имеющих отношения к структурам ДУМ РТ. Отдаленным аналогом церковного суда в мусульманском сообществе Татарстана является аттестационная комиссия муфтията, осуществляющая выдачу свидетельств имамам. Примечательно, что мусульманские религиозные лидеры, как и христианские, в основном скептически относятся

к распространению в религиозной среде психологических практик по улаживанию межличностных отношений.

В Дагестане регулировщиками являются верующие из числа лидеров общин, старейшин, предпринимателей, мусульманских богословов (алимов), имамов при мечетях, выборных кадиев в джамаатах, представителей отдела маслахата (примирения) и других работников муфтията республики. Муфтий Дагестана также выступает посредником между враждующими родами. Рассматриваемые дела касаются семейных, финансовых, имущественных ситуаций, насильственных преступлений (с целью предотвращения кровной мести), выплаты компенсаций за причиненный вред. В республике действует несколько «исламских порядков», мусульмане в своих предпочтениях не едины, а предвзятые решения регулировщиков могут приводить к необходимости формирования коалиций для пересмотра результатов.

Параграф 5.3 *«Ценностно-нормативные предпочтения жителей Татарстана и Дагестана в контексте религиозной и светской моделей поведения»* раскрывает результаты анкетирования, проведенных в 2020–2023 гг. с целью уточнения соотношения «традиционных» (религиозных норм и патриархального семейного уклада) и «современных» (светских норм и эгалитарной модели семьи) установок в Татарстане и Дагестане.

При изучении моделей поведения принимались во внимание: 1) отношение индивидов к религии; 2) особенности норм ислама и христианства; 3) существующие в обществе традиции и практики; 4) ситуации выбора между нормами. Если религиозная ценностно-нормативная система не востребована или востребована частично, то соответственно будет низкой потребность верующих в религиозных институтах урегулирования конфликтов. Первый блок вопросов анкеты затрагивал: 1) порядок заключения и расторжения брака; 2) предпочтительное вероисповедание супруга; 3) брачный дар; 4) отношение к многоженству; 5) распределение прав и обязанностей супругов в семье; 6) раздел наследства между родственниками.

Опросы подтвердили влияние особенностей религиозной регулятивной системы, локальных традиций, гендера и обстоятельств ситуации на соблюдение религиозных предписаний в светском государстве. Существенная часть мусульман Татарстана по ряду ответов близка к опрошенным христианам и «нерелигиозным» жителям: необязательность брачного дара, эгалитарные отношения в семье, отрицательное отношение к полигинии. Лишь в некоторых вопросах влияние религии и традиций оказалось достаточно стойким: единоверие супруга, сочетание обряда никаха с государственной регистрацией брака, соблюдение процедуры талака. Объясняется это влиянием поликультурной и поликонфессиональной среды Татарстана, долгим взаимодействием татар и русских, значительным числом носителей светского мировоззрения.

В Дагестане монорелигиозная среда и особенности социальной структуры способствуют большей консервативности, однако и здесь в ответах мужчин и женщин заметны модернизационные процессы. Многие респонденты выбирают регуляторы в зависимости от ситуации, оценивая последствия. Религиозная идентичность или заявление о приверженности патриархальным установкам

еще не позволяют спрогнозировать поведение человека в конкретных обстоятельствах, поскольку выбор часто совершается исходя из предполагаемой выгоды: материальных благ, повышения статуса, укрепления связей и пр. Перечисленное обуславливает и функционирование религиозных институтов конфликtoresшения.

В параграфе 5.4 *«Институциональные предпочтения жителей Татарстана и Дагестана при урегулировании конфликтов»* анализируются результаты по второму блоку вопросов анкетирования 2020–2023 гг., затрагивавшего использование респондентами и их окружением (родственниками, друзьями, знакомыми) религиозных институтов конфликtoresшения.

Среди возможных регулировщиков в анкете упоминались: священнослужители (представители духовенства); специалисты-богословы (несвященнослужители); единовѣрцы с глубокими религиозными знаниями; общие авторитетные знакомые-верующие. Кроме частоты обращений внимание уделялось предмету обращения (брак и развод; семейные и наследственные отношения; финансовые обязательства; религиозные обряды); результату урегулирования.

Результаты опросов показывают, что в Татарстане мусульмане чаще христиан обращаются к помощи религиозных посредников в конфликтных ситуациях. В основном это брачно-семейные, финансовые и имущественные дела, обрядовые вопросы. Ожидаемой оказалась выше и оценка мусульманами эффективности религиозных органов урегулирования конфликтов. Различия проявились в ответах на вопрос виньетки: при невозврате крупного долга мусульмане гораздо чаще христиан высказывались о возможности привлечения в качестве посредника религиозного регулировщика. Ответы опрошенных христиан во многом соответствовали предпочтениям «нерелигиозной» группы, отдававших предпочтение светским институциям.

При сравнении ответов мусульман Дагестана и Татарстана обнаружались региональные особенности, обусловленные культурными и социально-экономическими факторами. Представители муфтиятов в обеих республиках оказываются наиболее востребованными в силу многочисленности. Из-за разницы в частоте обращений удовлетворенность религиозными посредниками на Северном Кавказе выше, чем в Поволжье. Религиозные регулировщики в Дагестане в некоторых случаях предпочтительнее светских органов из-за неформального характера взаимоотношений, доступности, меньшей затратности, тогда как татарстанские мусульмане предпочитают светские органы, в особенности при финансовых и имущественных спорах. При этом в республиках значительная часть респондентов (до трети) предпочитает использовать все возможные инструменты в виде личных переговоров, привлечения религиозных посредников и обращения к государству. В обоих регионах заметно влияние культуры на поведение мужчин и женщин: женщины стараются избежать открытого противостояния и использовать все инструменты воздействия, мужчины же чаще готовы к разрыву отношений.

В **Заключении** диссертационного исследования подводятся общие итоги работы. Делается вывод, что социумы стран Европы и Северной Америки отличаются ценностно-нормативной плюрализацией и индивидуализацией паттернов поведения при доминировании светской политико-правовой системы, что сказывается на функционировании религиозных институтов конфликто разрешения, представленных четырьмя моделями: традиционно-общинной, традиционно-церковной, инновационно-внеденоминационной, корпоративной. На формирование и функционирование религиозных органов конфликто разрешения в рамках представленных моделей влияют общие, региональные (средовые) и частные (ситуативные) факторы. Религиозные суды, арбитражи и органы по организации переговоров могут стать эффективным дополнением к светским институциям в случае учета государственных законов, внедрения принципов, правил и процедур из светских систем, повышения качества работы регулировщиков. В противном случае возникает риск их превращения во внесудебную «параллельную юстицию», нарушающую права верующих и оспаривающую верховенство государства.

В *Приложении* представлены авторские схемы и таблицы, наглядно раскрывающие структуру и функции религиозных институтов урегулирования конфликтов, их функционирование в условиях современного общества и светского государства, системы органов урегулирования конфликтов в разных традициях, инструментарий экспертного интервью и анкетирования, результаты анкетирования в виде таблиц.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

Научные статьи, опубликованные в отечественных изданиях, которые входят в международные реферативные базы данных и системы цитирования (ВАК, Scopus / Web of Science):

1. *Мухаметзарипов, И.А.* Шариат в Европе и Северной Америке: проблема сосуществования религиозных норм и светского законодательства / И.А. Мухаметзарипов // Государство и право. – 2016. – № 2. – С. 99–102.

2. *Мухаметзарипов, И.А.* Человек на перекрестке культур: право и справедливость в мультикультурном обществе / И.А. Мухаметзарипов // Государство и право. – 2018. – № 3. – С. 43–52.

3. *Мухаметзарипов, И.А.* Религиозные суды в современных государствах Европы / И.А. Мухаметзарипов // Современная Европа. – 2020. – №3 (96). – С. 148–157.

4. *Мухаметзарипов, И.А.* Зарубежный научный дискурс о религиозных судах в светском государстве / И.А. Мухаметзарипов // Религиоведение. 2020. – № 1. – С. 114–122.

5. *Мухаметзарипов, И.А.* Религиозные суды в США и Канаде: разновидности, основные функции, взаимодействие со светским государством / И.А. Мухаметзарипов // Религиоведение. – 2020. – № 3. – С. 88–96.

6. *Мухаметзарипов, И.А.* Механизмы разрешения конфликтов в Церкви саентологии на территории США / И.А. Мухаметзарипов // *Религиоведение*. – 2022. – № 1. – С. 111–122.

7. *Мухаметзарипов, И.А.* Религиозные нормы в современном обществе на примере Татарстана / И.А. Мухаметзарипов, И.Р. Гафиятуллина // *Религиоведение*. – 2022. – № 4. – С. 159–168.

8. *Мухаметзарипов, И.А.* Практики христианского примирения в США: история, современное состояние и проблемы / И.А. Мухаметзарипов // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. – 2022. – Т. 40, № 4. – С. 333–357.

9. *Мухаметзарипов, И.А.* Нормативно-институциональные предпочтения мусульман Дагестана и Татарстана: брачно-семейные и наследственные отношения / И.А. Мухаметзарипов, И.Р. Гафиятуллина // *Религиоведение*. – 2023. – № 3. – С. 140–150.

10. *Мухаметзарипов, И.А.* Нормативно-институциональные предпочтения мусульман Дагестана и Татарстана: религиозное урегулирование конфликтов / И.А. Мухаметзарипов, И.Р. Гафиятуллина // *Религиоведение*. – 2024. – № 2. – С. 167–178.

11. *Мухаметзарипов, И.А.* Религиозные практики урегулирования конфликтов в секуляризованном обществе XXI в.: анахронизм или актуальная традиция? / И.А. Мухаметзарипов, В.Е. Козлов // *Вестник Санкт-Петербургского университета: философия и конфликтология*. – 2024. – Т. 40, № 4. – С. 651–662.

Научные статьи, опубликованные в журналах, включенных в перечень рецензируемых научных изданий ВАК:

12. *Мухаметзарипов, И.А.* Ислам и права человека / И.А. Мухаметзарипов, Р.Ш. Гарипов // *Правовая политика и правовая жизнь*. – 2007. – № 2. – С. 24–31.

13. *Мухаметзарипов, И.А.* Применение норм мусульманского семейного права в Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. / И.А. Мухаметзарипов // *История государства и права*. – 2010. – № 23. – С. 38–40.

14. *Мухаметзарипов, И.А.* Применение норм мусульманского наследственного права в Российской империи в конце XVIII – начале XX века / И.А. Мухаметзарипов // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Серия Общественные и гуманитарные науки*. – 2010. – № 123. – С. 96–100.

15. *Мухаметзарипов, И.А.* Наследование у мусульман Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. / И.А. Мухаметзарипов // *История государства и права*. – 2011. – № 7. – С. 2–4.

16. *Мухаметзарипов, И.А.* Особенности правового оформления вакуфных отношений в округе Оренбургского Магометанского Духовного Собрания в конце XVIII – начале XX вв. / И.А. Мухаметзарипов // *История государства и права*. – 2012. – № 24. – С. 29–31.

17. *Мухаметзарипов, И.А.* Религия и светское законодательство: применение института медиации при разрешении споров с элементом религиозных норм (на примере ислама) / И.А. Мухаметзарипов // *Исламоведение*. – 2014. – №4 (22). – С. 18–28.

18. *Мухаметзарипов, И.А.* Институт условного завещания в зарубежных странах в контексте свободы вероисповедания / И.А. Мухаметзарипов // *Российский юридический журнал*. – 2015. – № 6 (105). – С. 89–98.

19. *Мухаметзарипов, И.А.* Востребованность религиозных институтов урегулирования споров у мусульман и христиан Татарстана / И.А. Мухаметзарипов, И.Р. Гафиятуллина // *Исламоведение*. – 2022. – Т. 13, № 2 (52). – С. 51–66.

20. *Мухаметзарипов, И.А.* Мусульманские практики урегулирования конфликтов: доктринальные основы и их реализация в современной России / И.А. Мухаметзарипов // *Исламоведение*. – 2023. – Т. 14, № 1 (55). – С. 26–38.

21. *Мухаметзарипов, И.А.* Религиозное право или религиозная регулятивная система? К вопросу о терминологии / И.А. Мухаметзарипов // *Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии*. – 2025. – № 2. – С. 149–161.

Публикации в англоязычных журналах базы данных Scopus:

22. *Mukhametzaripov, I.A.* The Problem of Shariah Norms Functioning in the Legal System of a Modern Secular State / I.A. Mukhametzaripov, V.E. Kozlov // *European Research Studies Journal*. – 2017. – Vol. XX, Special Issue. – P. 46–54.

23. *Mukhametzaripov, I.A.* Shariah in Secular Legal System: The Problem of Parallel Justice / I.A. Mukhametzaripov, V.E. Kozlov // *European Research Studies Journal*. – 2017. – Vol. XX, Special Issue. – P. 55–62.

Индивидуальные монографии:

24. *Мухаметзарипов, И.А.* Функционирование шариата в округе Оренбургского Магометанского Духовного Соборания в конце XVIII – начале XX вв. / И.А. Мухаметзарипов. – Казань: Издательство «Яз» АН РТ, 2012. – 292 с.

25. *Мухаметзарипов, И.А.* Религиозные суды, арбитражи и органы медиации в постсекулярную эпоху / И.А. Мухаметзарипов. – Казань: ФЭН, 2022. – 156 с.

Главы в коллективных монографиях:

26. *Мухаметзарипов, И.А.* Применение норм шариата в семейно-бытовой жизни татар-мусульман / И.А. Мухаметзарипов // *История татар с древнейших времен*. Т. VI. Формирование татарской нации / отв. ред. Р.С. Хакимов. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – С. 428–433 (1072 с.).

27. *Мухаметзарипов, И.А.* Функционирование норм шариата в современном мусульманском сообществе Республики Татарстан / И.А. Мухаметзарипов // *Ислам и религиозный активизм в Республике*

Татарстан / отв. ред. Т.Н. Липатова. – Казань: Изд-во АН РТ, 2021. – С. 245–276 (448 с.).

28. *Мухаметзарипов, И.А.* Применение норм шариата в Российской империи; Мусульманские нормы и процедуры разрешения споров в рамках законодательства Российской Федерации / И.А. Мухаметзарипов // История ислама в России. Коллективная монография / Под общ. ред. Р.М. Мухаметшина. Киров: ООО «Кировская областная типография», 2022. – С. 349–365, 409–420 (616 с.).

29. *Мухаметзарипов, И.А.* Этничность и религиозный радикализм: триггеры и конфликтный потенциал на примере Республики Татарстан / И.А. Мухаметзарипов // Культурная сложность и риски радикализации в региональном сообществе: этничность, религиозность, гендер / под ред. В.Е. Козлова, Т.А. Титовой. – Казань, Изд-во ФГНБУ «ИППСП», 2022. – С. 41–60 (253 с.).

Прочие публикации:

30. *Мухаметзарипов, И.А.* Применение норм шариата в семейно-бытовой жизни татар-мусульман / И.А. Мухаметзарипов // Минбар. Исламские исследования. – 2012. – Т. 5, № 1 (8). – С. 26–35.

31. *Мухаметзарипов, И.А.* Религиозное право в секулярных государствах: проблема функционирования шариата в Великобритании / И.А. Мухаметзарипов // Практична Философия. – 2014. – № 3. – С. 134–139.

32. *Мухаметзарипов, И.А.* Религия и светское законодательство применение института медиации при разрешении споров с элементом религиозных норм (на примере ислама) / И.А. Мухаметзарипов // Россия и мусульманский мир. – 2015. – № 9 (279). – С. 150–165.

33. *Мухаметзарипов, И.А.* Традиционные ценности и права человека: мусульманские общины в рамках «европейской» системы права / И.А. Мухаметзарипов // Традиционные ценности – основа современного международного права: Материалы круглых столов 11 апреля и 30 октября 2015 г. в рамках XIII Международного конгресса «Блищенковские чтения» / Под общ. ред. А.Х. Абашидзе, Н.С. Семеновой, Е.В. Киселевой. – М.: Издательский дом «Покров ПРО», 2016. – С. 17–26.

34. *Мухаметзарипов, И.А.* Религиозная идентичность мусульман Республики Татарстан (по материалам социологических исследований) / И.А. Мухаметзарипов // Гармонизация межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Татарстан. Сборник научных трудов / под ред. Т.А.Титовой, В.Е. Козлова, Р.Ф. Патева. – Казань: Изд-во «Артифакт», 2017. – С. 135–158.

35. *Мухаметзарипов, И.А.* Брачно-семейные нормы шариата в современном мусульманском сообществе Республики Татарстан / И.А. Мухаметзарипов // Конфессиональные и этнические группы российских регионов в XIX–XXI вв.: сборник научных трудов / сост. и науч. ред. Ф.А. Селезнев, отв. ред. А. А. Сорокин. Вып. 2. – М.: Эдитус, 2020. – С. 310–318.

36. *Мухаметзарипов, И.А.* Религиозные и правовые нормы в Российской Федерации: примеры взаимодействия и конкуренции / И.А. Мухаметзарипов // Российский юридический журнал. – 2017. – № 5 (116). – С. 18–28.

37. *Мухаметзарипов, И.А.* Правовой статус религиозных судов в России: третейские суды, учреждения медиации или неформальные институты вне правового поля? // Российский юридический журнал. – 2019. – №4 (127). – С. 9–22.

38. *Мухаметзарипов, И.А.* Роль казьята ДУМ РТ в современном мусульманском сообществе Татарстана / И.А. Мухаметзарипов, Р.М. Нургалеев, М.М. Марданшин // Минбар. Исламские исследования / Minbar. Islamic Studies. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 869–883.

39. *Мухаметзарипов, И.А.* Нормативный плюрализм и проблема выбора в современном обществе / И.А. Мухаметзарипов // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VII Международной научно-практической конференции. – Иркутск, 2021. – С. 271–277.

40. *Мухаметзарипов, И.А.* Религиозные институты урегулирования конфликтов в современном обществе: на примере Татарстана / И.А. Мухаметзарипов // Историческая этнология. – 2024. – Т. 9, № 4. – С. 592–603.

Подписано в печать 31.10.2025.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 2,56. Тираж 100 экз. Заказ 124/10

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужи́на, 1/37
тел. (843) 206-52-14 (1705), 206-52-14 (1704)

